ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTION

ЭДУАРД СЕМЕНОВ

КОДЕКС ЗАЩИТНИКА

Mystic & Fiction

Эдуард Семенов

Кодекс Защитника

ИД «Флюид ФриФлай»
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Семенов Э. Е.

Кодекс Защитника / Э. Е. Семенов — ИД «Флюид ФриФлай», 2020 — (Mystic & Fiction)

ISBN 978-5-906827-43-2

В лето 20…-е на Земле наступил коллапс. Не было более у людей веры в справедливость. Брат шел на брата, сын на отца. Те, кто должен был служить Богу, служили мамоне. До конца света остался один шаг. Никто не знал, что делать! И тогда на Земле появились Защитники. Откуда они пришли и куда идут, было неизвестно, но везде, где они появлялись, наступало новое время. Время Суда Божьего, самого справедливого суда на Земле. И горе было тому, кто забыл имя Бога и законы Его.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-906827-43-2

© Семенов Э. Е., 2020
© ИД «Флюид ФриФлай», 2020

Содержание

Основные постулаты 7
Кодекс Защитника 8
Часть I 9
Предисловие 9
Глава 1 10
Глава 2 16
Глава 3 29
Послесловие 37
Часть II 39
Глава 1 39
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Эдуард Семенов
Кодекс Защитника

Эдуард Семенов родился в 1969 г. Служил в РВСН. Окончил МГУ им. Ломоносова, ВГИК им. Герасимова, МИМ ЛИНК (Президентская программа).

Автор сценария и режиссер детского боевика «“СКВАД”. Эпизод 1. “Внимание, в небе – Покрышкин!”». Серебряный лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

Основные постулаты Суда Божьего

1. Суд Божий – высшая инстанция справедливости на земле.
2. На Суде Божьем решается выбор царя или князя, непримиримые споры, защита чести и достоинства.
3. Суд Божий считается справедливым только на лобном месте, в полдень, при скоплении народа.
4. Суд Божий – это поединок. Без правил. Без оружия. Без времени.
5. Смерть во время Суда Божьего считается признанием правоты.
6. Отказ от Суда Божьего считается признанием вины.
7. Исход Суда Божьего обжалованию не подлежит.
8. Суд Божий может быть назначен князем, судом, церковью, народом.
9. Обиженный имеет право сам вызвать на Суд Божий обидчика.
10. Перед Судом Божьим все равны.
11. Слабый может выставить за себя Защитника.

Кодекс Защитника

1. Защитник служит только Богу.
2. Защитник с Суда Божьего не кормится и живет только благодарностью.
3. Высшая честь защитника – умереть на Суде Божьем.
4. Защитник не ждет, когда его позовут.
5. Защитник не может быть слабым.
6. Защитник не имеет права отказать слабому.
7. Защитниками не рождаются, защитниками становятся.
8. Защитником может быть любой.
9. Защитник – это человек.

Часть I
Один в поле воин

Предисловие

В лето 20…-е на Земле наступил коллапс. Не было В более у людей веры в справедливость. Брат шел на брата, сын – на отца. Те, кто должен был служить Богу, служили мамоне. До конца света оставался один шаг. Никто не знал, что делать! И тогда на Земле появились Защитники.

Никто не знал, откуда они пришли и куда идут, но везде, где они появлялись, наступало новое время – время Суда Божьего – самого справедливого суда на Земле. И горе тому, кто забыл имя Бога.

Глава 1
Первый Защитник

Прораб махнул рукой.

– Начинайте!

Колонна бульдозеров, взревев дизелями, стала разворачиваться стальными ковшами в сторону садовых участков. Первый бульдозер, урча и выбрасывая в воздух клубы дыма, съехал с дороги и подцепил углом ковша штакетник. Раздался хруст ломающегося дерева.

Пожилая женщина отвернулась и смахнула со щеки слезу. Стоявший рядом старик сжимал и разжимал кулаки, как будто хватал кого-то за горло, и молча смотрел, как рушат дело всей его жизни. То, ради чего он целых двадцать лет трудился на авиационном заводе, крутя гайки и готовя боевые самолеты к полетам в любую погоду, в стужу и зной.

Чуть поодаль стояла группа людей. Толпа зевак. Рядом прохаживался представитель администрации – чиновник из отдела землепользования – в сером костюме и неброском галстуке. Он не вмешивался в разговоры, но внимательно к ним прислушивался.

– Завтра наша очередь.

– Я думаю, там, наверху, знают, что делать.

– А компенсация большая?

– На могилу хватит.

– Вот именно, только на могилу. Сволочи!

Услышав слово «сволочи», чиновник пригрозил толпе кожаной папкой:

– Но-но! Не выражаться! Привлеку к ответственности!

Толпа притихла и уже молча продолжала наблюдать за происходящим. Кто-то украдкой снимал на видеокамеру в мобильном телефоне. Никто не заметил, как на дороге за их спинами остановилась черная машина с тонированными стеклами и из нее вышел мужчина с рыжей бородой, в джинсовой куртке и темных полотняных штанах.

Мужчина подошел сзади к пожилой чете и посмотрел на женщину:

– Почему вы плачете?

Женщина зло покосилась на сердобольного:

– А вам-то какое дело?

Мужчина пожал плечами:

– Может, и никакого. Так что случилось?

– Да вот, город задумал дорогу строить, и так получилось, что она будет проложена по нашему участку.

– Так вам должны были другой дать и компенсацию выплатить.

Старик недовольно хмыкнул:

– Дали, конечно, но разве в этом дело?

Он посмотрел на рыжебородого и махнул рукой – мол, чего уж там говорить! В этот момент бульдозер начал выкорчевывать яблоньки, и старик схватился за сердце.

Мужчина понимающе покачал головой:

– А где же ваши дети? Кто ваш защитник?

Старик удивленно посмотрел на него:

– Был сын. Умер от лейкемии.

– Родственники?

– Одни мы. – Старуха всхлипнула. – Господи, и за что это нам!

Незнакомец решительно повернулся и направился в сторону чиновника:

– Товарищ начальник, именем Бога, остановите бульдозеры. Здесь совершается беззаконие!

Чиновник недоуменно посмотрел на странного человека:

– А вы кто? Ваши документы?

Мужчина не сделал никаких попыток достать из кармана паспорт или еще какой-нибудь документ.

– При чем здесь мои документы? Вы разве не видите, что женщина плачет! Это верный признак, что что-то происходит не так. Надо остановить бульдозеры. Заклинаю вас именем Бога!

Чиновник нахмурил брови:

– Не волнуйтесь, гражданин. Все так, как надо. Есть решение совета депутатов, распоряжение губернатора и даже постановление Конституционного суда.

– Но женщина плачет.

Мужчина в джинсовой куртке взял в руки документы, просмотрел их и строго взглянул на чиновника:

– Они не имеют никакого значения, раз женщина плачет.

Чиновник скорчил рожу, словно только что съел лимон:

– Ну и что? В первый раз, что ли?

Все, что произошло в следующие секунды, администратору третьей категории Инчакову Олегу Григорьевичу пришлось потом много раз пересказывать и один раз написать в докладной записке.

Рыжебородый в несколько прыжков подскочил к бульдозеру, влез на него, рывком открыл кабину и выдернул ключ из зажигания. Бульдозер встал. Мужчина пробежал к следующему бульдозеру и проделал ту же операцию. У следующего бульдозера дверь кабины была уже закрыта. Он несколько раз ударил кулаком по стеклу, но водитель только отмахнулся от него и пригрозил гаечным ключом. Рыжебородый разбил стекло кулаком, ловко перехватил оружие бульдозериста, заломил ему руку и рывком вытащил из кабины. Бульдозер, лишенный управления, встал. Когда все двигатели вдруг разом замолчали, наступила резкая тишина. В этой тишине, будто гром среди ясного неба, прозвучали слова мужчины:

– Слушайте все и не говорите, что вы не слышали! Здесь творится беззаконие. Именем Господа нашего Бога я требую Высшего Суда и вызываю обидчика этой женщины на Судный поединок!

Все, кто слышал эти слова, недоуменно воззрились на мужчину.

– Чего? Чего ты требуешь? – Рука чиновника потянулась к дубинке, которая висела у него на боку. – А ну, слазь с трактора! Хватит народ баламутить!

Мужчина спрыгнул со своей импровизированной трибуны и подошел к чиновнику:

– Я не народ баламучу, а восстанавливаю справедливость. Чувствуете разницу?

Чиновник вынул из чехла дубинку, тряхнул ее, будто проверяя прочность, и направил ее конец на рыжебородого.

– Вот проедешь сейчас до участка, там разберутся, кто ты и что ты! И имеешь ли право делать то, что делаешь.

Мужчина кивнул:

– Все имеют, и я имею.

Он повернулся к угрюмо стоявшим бульдозеристам и раздал каждому отобранные у них ключи.

– Извините, добрые люди. Не со зла я. Справедливость восстанавливал. Если считаете, что обижены, то я готов каждому предоставить сатисфакцию. Как положено среди равных. В полдень на лобном месте.

Тот, который больше всех пострадал от действий рыжебородого, процедил сквозь зубы, потирая вывернутую руку:

– Сатисфакции нам никакой не надо, мы люди с понятием, а вот если на лечение сотенку подкинешь, то мы тебе еще и спасибо скажем.

Рыжебородый удивленно посмотрел на говорящего, но ничего не сказал. Молча достал из кармана бумажник и протянул ему купюру.

– Спасибо, мил человек! – Бульдозерист взял бумажку и подмигнул рыжебородому: – Если еще столько же дашь, то мы машины совсем уведем и ничего рушить не будем.

Рыжебородый посмотрел на солнце, кивнул и достал из бумажника еще две пятисотки.

– Мне нужно, чтобы вы бульдозеры никуда не уводили. И чтобы они до завтра, до полудня здесь простояли. Чтобы никакая другая техника к участку не подошла. Сможете?

Бульдозерист хитро прищурился:

– А чего не сделать? Это можно.

Довольный бульдозерист отошел в сторону и принялся что-то яростно шептать своим напарникам. Пока рыжебородый общался с работягами, чиновник успел достать свой сотовый телефон и вызвать патрульную машину милиции.

Серый «уазик» с включенными синими мигалками подъехал к месту неожиданного конфликта как раз в тот момент, когда бульдозеры выстроились вдоль участка, образовав железную стену. Старики удивленно смотрели на все происходящее. Толпа в стороне увеличилась раза в два. Как минимум трое или четверо снимали все происходящее на мобильники.

Из кабины вылез толстый прапорщик с автоматом наперевес и спросил у чиновника, указывая головой на мужчину:

– Этот, что ли, мешает?

Чиновник кивнул:

– Ага. Высшего суда требует.

Прапорщик щелкнул затвором:

– Ну это мы ему сейчас организуем.

Он подошел к странному незнакомцу, который в этот момент разговаривал со стариками, и услышал его последние слова:

– Не волнуйтесь. Я буду вашим Защитником на этом Суде. Если кто-то до свершения правосудия появится снова и захочет сломать изгородь, то звоните по этому телефону. К вам приеду либо я, либо другие Защитники. – Он вложил в руки старика визитную карточку – белую картонку, на которой золотом были выдавлены две буквы «СБ», «Защитник» и номер телефона.

– И, пожалуйста, если сможете, будьте завтра в полдень на площади.

После этого он развернулся и громко крикнул:

– Слышите, все, кто верит в Бога! До свершения Божественного правосудия никто не должен трогать изгороди.

В толпе засмеялись:

– А когда оно будет-то, это правосудие? На морковкино заговенье?

– Нет. Завтра в полдень на лобном месте, на центральной площади вашего города я вызываю на честный поединок того, кто заставил эту женщину плакать.

В толпе снова засмеялись:

– Как же! Придет он! Ты откуда свалился? С луны, что ли?

Мужчина проигнорировал этот выпад и продолжал:

– Бог не допустит нарушения своего Закона.

Он обратился к ошарашенному прапорщику:

– Вижу у тебя оружие. Ты – воин? Кому служишь? Богу или животу своему?

Прапорщик открыл было рот, чтобы ответить, но вдруг вспомнил, что он при исполнении, и, заикаясь, выдавил:

– Нет, это ты давай говори, кто таков? Документики предъяви!

Мужчина протянул ему визитку и паспорт. Прапорщик почувствовал себя в привычной обстановке, не рассматривая, убрал карточку в нагрудный карман и принялся изучать паспорт.

Тем временем мужчина достал из кармана телефон, быстро набрал на клавиатуре несколько слов и нажал кнопку передачи сигнала. Все, кто был в непосредственной близости, услышали в своих мобильных телефонах сигналы пришедших смс-сообщений: «Всем верящим в Бога! Завтра в 12:00 я вызываю обидчика или обидчиков слабых по возрасту Прасковьи Ивановны Сергеевой и Григория Федоровича Сергеева на лобное место города N для свершения Суда Божьего.

Основание: защита чести и достоинства. В свидетели правосудия приглашаются представители всех религиозных конфессий. Если по какой-либо причине я не смогу явиться на этот суд, то прошу ближайшего верящего в Бога принять на себя функции Защитника. Справедливость должна быть восстановлена.

Сын Божий Игорь Панкратов».

* * *

Майор Щеглов, дежурный по городу, положил перед собой багряный паспорт и тупо уставился на златоглавого орла, выбитого на обложке. Впервые в жизни он чувствовал себя виноватым и не мог поднять глаза на человека, который сейчас сидел перед ним. Он покосился на заявление чиновника Инчакова. Если судить по тому, что в нем написано, перед ним сидел явный нарушитель порядка.

Майор все понимал, но что-то давно забытое мешало ему окончательно утвердиться в этой мысли. Он вздохнул и посмотрел на спокойно сидящего перед ним человека.

– Ну и что прикажешь мне с тобой делать, Панкратов?

Мужчина отреагировал молниеносно:

– Поступай по совести, майор, и все будет хорошо.

– По совести, говоришь? – Щеглов снова взял в руки паспорт и открыл на странице, где стояла печать прописки. – А вот меня всю жизнь учили жить по закону.

Панкратов согласно кивнул:

– Если закон Божий, то это и есть совесть.

Щеглов поморщился. Разговор шел явно не в ту сторону.

– Ну, о законе Божьем позже. Поговорим о мирских делах. Вы помешали началу строительства важного объекта. Нанесли государственной компании ущерб в миллионы рублей, если не больше.

При этих словах Щеглов почувствовал непреодолимое желание отвернуться.

– А это уже не просто хулиганство, это государственное преступление. Вы понимаете, чем вам это грозит?

– Государство – это бездушный механизм без роду-племени. Оно может ошибаться.

Щеглов хмыкнул:

– А ты не можешь?

– И я могу. Но я отвечу за свой поступок, а государство – нет.

– Как это нет? Есть же чиновник, который всесторонне рассмотрел проблему и поставил подпись под решением. Он понесет заслуженное наказание, если выяснится, что решение неправильное.

– Как выяснится? Кто примет такое решение?

Майор заморгал:

– Кому положено принимать такие решения. Власти.

– Отлично. Если вы знаете этого чиновника, то пусть он завтра придет в двенадцать часов пополудни на площадь. Суд Божий решит, кто прав, а кто виноват.

Щеглов недовольно поморщился:

– Какая площадь? С чего вы решили, что вас туда пустят? И что вообще туда кто-то придет?

Рыжебородый нажал кнопку на часах, и перед глазами Щеглова раскрылся световой экран, на котором засветились яркие буквы: ПОСТУЛАТЫ СУДА БОЖЬЕГО.

Панкратов прокомментировал надпись:

– Ему лучше прийти. Статья шестая Основных постулатов Суда Божьего гласит, что отказ от Суда Божьего считается признанием вины.

Майор недоуменно пожал плечами:

– Бред какой-то. Вы сумасшедший. Псих.

Панкратов сунул руку в карман, достал оттуда справку о своем полном психическом здоровье и протянул ее майору.

– Нет, я абсолютно здоров. Вот свидетельство комиссии самого высокого уровня.

Майор открыл было рот, но сказать ничего не смог. Надо было принимать какое-то решение. Он посмотрел на часы. Они показывали два часа пополудни. Генерала наверняка уже нет на месте. Можно было, конечно, позвонить на мобильный, но вдруг он в бане или на теннисе. Нет, сейчас генерала лучше не беспокоить. Тогда когда? Завтра утром? А что делать с этим? В камеру посадить? А вдруг это какая-то комиссия из центра?

Проверяют профпригодность. Формально, он нарушил закон. Но это формально, а по совести? Майор опустил голову. Совесть! Он думал, что успел забыть это слово. И тем не менее уж кому как не ему было знать, как принимаются решения о строительстве таких объектов. Семь лет назад у его отца был участок в Сочи, и когда потребовалось место под строительство какого-то олимпийского стадиона, у него эту землю отобрали. Отец был участковым и в бюрократических тонкостях вроде бы разбирался. Но даже у него документы оказались оформленными неправильно, и поэтому вместо солидной денежной компенсации и равнозначного участка он получил лишь другой надел в ста километрах от старого. Клочок земли в горах, где росли только колючки. И ничто не помогло – ни боевые награды, полученные в Чечне, ни годы безупречной службы в органах. Ничто. Отец тогда сказал, что все по закону, а значит – правильно. Но все равно осталась какая-то обида. Какое-то ощущение, что все было как раз неправильно. Не по совести. Майор закусил губу.

– Слушай. Давай договоримся. Я тебя сейчас отпускаю, а ты завтра никуда не приходишь. Ты просто исчезаешь, едешь в свои… как его там… – Майор заглянул в паспорт и прочитал: – Вербилки, Вятского района. И спокойно там живешь. А?

Панкратов вздохнул:

– Не могу. Завтра Суд. Я должен там быть.

Майор взорвался:

– Да что ты тут заладил! Суд! Суд! Что это такое – Суд Божий?

Панкратов снова потянулся к часам, и перед глазами майора раскрылся световой экран: «Суд Божий – это поединок. БЕЗ ПРАВИЛ. БЕЗ ОРУЖИЯ. БЕЗ ВРЕМЕНИ».

Майор почувствовал, что нашел выход из положения:

– Драка в общественном месте? Ты хочешь устроить драку?

– Драки в кабаках, товарищ майор, происходят без повода и по пьяни, а поединок при народе, на центральной площади да за правое дело – дело святое.

Майор закачал головой:

– Нет, я не могу этого допустить. Я сажаю тебя в камеру на пятнадцать суток.

Панкратов пожал плечами.

– Это ничего не изменит. Вы же не можете запретить заход и восход солнца.

– То есть?

– На святое дело Защитник всегда найдется.

– Что ты имеешь в виду?

– Да то, что сказал, то и имею в виду.

Майор вспомнил, что прапорщик докладывал ему о смс-рассылке, которую Панкратов сделал перед задержанием. Прапорщик даже скинул ему текст сообщения.

– Ты думаешь, что кто-то придет и заменит тебя, если с тобой что-то случится? Не смеши меня.

– А вы проверьте. Может, и не придет, а может, и сотня встанет.

Майору стало понятно, что генералу все же придется докладывать. Иначе…

Майора даже затошнило при мысли, что могло случиться, если бы начальство поздно об этом узнало. Да, нужно звонить! Он тяжело вздохнул и, сказав Панкратову: «Подождите меня здесь», вышел из кабинета.

Глава 2
Первый ответчик

Ближе к шести часам вечера информация о странном рыжебородом мужчине, требующем Суда Божьего, дошла до губернатора. Бывший генерал десантных войск только что вернулся с конной прогулки по своему поместью и спустился в тренажерный зал, где его ждали личный тренер и массажист. Он очень гордился тем, что, несмотря на солидный возраст, ему удалось сохранить военную выправку и плоский живот.

Правда, такая физическая форма с каждым годом давалась ему все труднее и труднее, но игра стоила свеч. На различных собраниях в Кремле он всегда выгодно отличался от других управляющих территориями – грузных и посиневших от многочисленных пьянок стариков. Да и жена молодая постоянно требовала своего.

Вспоминая о своей супруге, длинноногой мисс Русская Краса-2012, он залез под штангу и кивком показал инструктору, что готов взять предложенный вес. Штанга со звоном сошла с подставки и упруго легла на грудь.

Губернатор напрягся и толкнул ее вверх. На лбу выступило несколько капелек пота. Серебристые блины слегка звякнули. Тренер подставил руку, помогая, но губернатор замычал, требуя, чтобы тот не трогал.

Тренер убрал руку. На виске губернатора напряглась вена. Он крякнул, и штанга снова легла на подставку.

Губернатор сел и вытер лицо полотенцем, которое подал ему тренер.

– Митрофаныч, сколько раз я тебя просил – не помогай! Сам справлюсь.

Митрофаныч, бывший тренер по греко-римской борьбе, буркнул:

– Да не помогал я. Так, страховал. На всякий случай.

Именно в этот момент зазвонил телефон. Тот, который только для экстренных случаев. Губернатор недовольно покосился на него:

– Ну, что там еще?

Он показал головой, чтобы ему достали телефон из кармана его охотничьей куртки. Митрофаныч, прихрамывая на одну ногу, сходил, принес трубку, протянул ее губернатору и отошел.

– Да, слушаю!

На том конце провода он услышал голос министра внутренних дел области.

– Извините, что беспокою, Сергей Павлович, но дело уж больно неординарное.

Министр как мог коротко изложил губернатору суть дела. Губернатор чуть не задохнулся от гнева.

– Подожди-подожди, чего он требует? Какого суда?

– Божьего, Сергей Павлович. Завтра в полдень, на площади.

– А что это такое?

– Древний забытый обычай. Поединок между обиженным и обидчиком.

– Драка? И вы не знаете, что делать? Да я вас уволю за некомпетентность, черт побери!

Министру на другом конце провода с трудом удалось подавить в себе желание бросить трубку. Он переждал, когда поток брани из уст губернатора стихнет, и сказал:

– Извините, но Суды Божьи не входят в нашу компетенцию. И потом, даже если мы задержим одного, это не значит, что завтра на площади не появится другой такой же Защитник.

– Арестуйте его. Всех, черт побери! – прорычал, не подумав, губернатор.

– Всех? – переспросил министр. – Вы дадите письменный приказ?

– Зачем? – не понял губернатор.

– Потому что всех может оказаться слишком много. Больше, чем мы себе представляем.

Министр рассказал об смс-рассылке, которую успел сделать Панкратов. Губернатор вытаращил глаза, готовый снова разразиться потоком нецензурщины, но в этот момент в его мозгу что-то щелкнуло. Он проглотил слюну и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов:

– Ладно, давай гони ко мне. Подумаем, что делать.

* * *

Колокола начали звонить, созывая братию к вечерней молитве. Митрополит оторвался от рукописи, протянул руку, взял свой посох и встал, кинув взгляд на мигающий значок электронной почты на мониторе компьютера. Значок мигал уже давно, но у митрополита была привычка не отвлекаться от важных дел.

А рукопись, над которой он работал, по его мнению, была важным делом. «Новейшая история Российской Церкви. Учебник для старших классов». Задание, которое ему дал сам патриарх, нужно выполнить как можно лучше и как можно быстрее. Паству надобно учить. Молитва – тоже важное занятие. Пропустить ее никак нельзя. Все остальное потом. Потом.

Митрополит вышел из кабинета. В коридоре его ждали несколько помощников. Они поклонились, и тот, который отвечал за связь с высшими эшелонами власти, сделал шаг вперед.

– Дозвольте сказать, ваше святейшество?

– Говори.

– Приехал губернатор. Просил срочно принять.

– По какому поводу, не сказал?

– Нет. Но сказал, что это только в вашей компетенции.

Митрополит вспомнил про маячок электронной почты и подумал, что, возможно, письмо как раз по этому делу. Вздохнул. Эх, надо было бы прочитать его перед тем, как выходить из кабинета. Но теперь уже поздно. Возвращаться он тоже не любил, как и отвлекаться.

– Хорошо, я приму его после вечерней службы.

Помощник поклонился:

– Губернатор просил срочно. Дело не терпит отлагательства.

Митрополит удивленно воззрился на помощника. Такого в его практике еще не бывало, чтобы его просили пропустить молитву. Даже перед выборами губернатор смиренно ждал, когда он проведет вечернюю службу.

– А где губернатор?

– Ждут в трапезной. Вместе с ним министр внутренних дел области.

Услышав это, митрополит понял, что стряслось действительно что-то архиважное и из ряда вон выходящее. Он наклонил голову:

– Хорошо, скажи, что я сейчас буду.

Он развернулся и пошел назад в комнату, чтобы прочитать электронное сообщение. Когда надо, митрополит умел соображать быстро. Если в письме содержится ценная информация, то он должен ею владеть, чтобы грамотно отвечать на вопросы губернатора. Если же ничего серьезного, то губернатор подождет его еще несколько минут.

* * *

Митрополит посмотрел обратный адрес. Кто это ему прислал? Обратный адрес был неизвестен. «Спам. Грязная рассылка, – подумал митрополит, – и как она только сквозь все фильтры пробилась, да еще на мой секретный почтовый ящик? Надо будет наказать системного администратора». Но раз письмо пробралось сквозь фильтры и заслоны, значит, оно действительно важное. Митрополит щелкнул мышкой, и перед глазами его раскрылось многократно размноженное смс-сообщение Игоря Панкратова.

К письму в сжатом виде были прикреплены видеофайлы с места событий. Внимательно изучив сообщение и видеофайлы, он тут же передумал наказывать системного администратора. «Хоть и спам, хоть и бесовское изобретение, а ведь и оно, когда надо, святому делу послужило».

Митрополит посмотрел на икону, висящую в красном углу комнаты, и троекратно перекрестился:

– Надо же, сподобил Господь до Суда Божьего дожить.

Отвесив низкий поклон иконе, на которой был изображен лик Христа, митрополит вышел из своей кельи и пошел на встречу с губернатором. Митрополит теперь знал, по какому поводу приехал к нему Тучков, и теперь не оставалось никаких сомнений, что разговор с бывшим генералом важнее молитвы.

* * *

Губернатор явно нервничал. Он не мог сидеть и ходил из угла в угол.

– Батюшка, скажите, как нам быть? Как поступить?

– Суд Божий – дело святое. Я считаю, что поступать надо по совести.

– А это как? – Губернатор понял, что сказал глупость, и прикусил губу.

Все сделали вид, что не заметили оплошности бывшего генерала, и посмотрели на священника.

Митрополит нахмурил брови:

– Обидчик – тот, кого вызвали на поединок, – должен прийти на лобное место, прилюдно извиниться перед обиженным и исправить положение, а если считает себя правым – биться до смерти.

– Драться?

– Нет, не драться, а биться за свою правду.

– До смерти?

– Да. Только тот, кто готов идти за свои слова и поступки до смерти, может считаться правым.

Губернатор снова прошелся по кабинету:

– Ну, а кто обидчик?

– В данном случае тот, кто дал распоряжение о начале строительства.

Губернатор с облегчением вздохнул.

– Так это Петрович, мэр города N. Пусть он и выходит на лобное место. С народом пообщаться.

Он даже хмыкнул от удовольствия:

– Интересно будет посмотреть, когда Петровичу морду прилюдно бить будут. А мы его потом с должности снимем и покажем, что власть у нас справедливая и веру нашу уважает. Как считаете, хорошая идея?

Министр внутренних дел кашлянул в кулак:

– Разрешите?

– Да, – повеселевший губернатор повернулся к нему всем корпусом.

– Идея-то хорошая, но Петрович тут ни при чем, он лишь выполнял ваши поручения.

– Мои?

– Да.

Губернатор поднял брови:

– Так что вы хотите сказать – что это я должен выходить на лобное место?

Министр внутренних дел промолчал и посмотрел в сторону. Лишь митрополит продолжал смотреть в глаза бывшему генералу.

– Ну, биться-то не обязательно. Можно просто покаяться. Признать свою вину. Свою ошибку. Бог милостив, он всех простит.

– Признать вину? – Губернатор рявкнул так, что эхо загуляло под сводами старинной лавры. – Да вы в своем уме? Я – боевой генерал, я не могу быть неправым!

Митрополит оставался на удивление спокойным.

– Тогда выходи и бейся. Один на один.

Слова митрополита будто окатили губернатора ушатом холодной воды.

– Тьфу ты! Опять вы снова-здорово? А по-другому дело решить нельзя? Ну выставить вместо себя кого-то? Денег дать бойцу какому-нибудь отмороженному? Пусть бьется.

Митрополит закивал в такт его словам.

– Выставить вместо себя Защитника может только слабый. Вы готовы к тому, чтобы признать себя недееспособным?

Губернатор подумал и ответил:

– Что значит «недееспособный»?

– Ну, на пенсию уйти, к примеру.

– На пенсию? Нет, мне еще рановато. А деньгами вопрос решить можно?

– Ну, если вы найдете того, кто готов будет за вас за деньги умереть, то пожалуйста.

Губернатор снова встрепенулся, как боевой конь.

– Да легко! Думаю, пары тысяч баксов хватит. Ведь так?

Губернатор взглянул на министра:

– Ну, что молчишь, есть у тебя такие бойцы из СОБРа или ОМОНа?

Министр опустил глаза в пол.

– Ити-т-т-ть! – не удержался бывший генерал. – Что, денег мало? Даю миллион из личного фонда губернатора.

Министр, не поднимая глаз, сказал:

– Извините, у бойцов этих подразделений другие функции. Толпу разогнать, дебошира задержать они могут, а вот то, что вы предлагаете, – я не знаю.

Губернатор махнул рукой:

– А ведь в преданности клялись.

Губернатор прошелся по трапезной.

– А если просто проигнорировать это дело? Ну, сделать вид, что ничего не произошло? Постоит завтра этот парень на площади, над ним все посмеются и разойдутся.

Митрополит нахмурился:

– Посмеяться народ любит, это факт. Вот только над кем он будет смеяться? Если вся власть от Бога, то власть эта не имеет права не прийти на Суд Божий, а если власть его игнорирует, то она не от Бога.

Министр внутренних дел поддержал митрополита:

– Опасные мысли начнут бродить в головах у народа. Уверен, все это может сказаться на ближайших выборах. А они у вас не за горами. Электорат нынче сами знаете какой.

Губернатор раздосадованно махнул рукой:

– Понабрались тут словечек! Электорат. Ладно, я все понял. Поехали.

– Куда? – спросил митрополит.

– Хочу посмотреть на этого защитничка хренова.

Кортеж правительственных машин спешно покинул стены лавры. Последним из ворот обители выехала машина митрополита в сопровождении охраны. Однако этот кортеж поехал в другую сторону.

* * *

Губернатор вошел в кабинет следователя, где сидел Панкратов, и резко крикнул:

– Ты что себе позволяешь, щенок? Власть собой заменить захотел?

Панкратов, будто не услышав крика, нехотя повернул голову к вошедшему. Все это время он неподвижно сидел на стуле и смотрел в окно.

– Здравствуйте! Вы кто? Представьтесь, пожалуйста.

Губернатор аж задохнулся от такой наглости. Он начал ловить ртом воздух, а потом понял, что действительно человек, который сидел перед ним, вполне мог и не знать его в лицо.

– Я – губернатор этой области, Сергей Павлович Тучков.

Панкратов встал и протянул ему руку.

– Очень приятно. Игорь Панкратов. Никаких должностей и званий не имею.

Это было действительно так. Пока губернатор ехал к городу N, ему уже успели собрать полное досье на Панкратова. 1975 года рождения, русский, женат, имеет сына 15 лет. Служил в армии, потом учился в технологическом институте, занимался предпринимательством. Разорился, потом работал в госкорпорации. Долгов по кредитам не имеет, дважды был остановлен на дорогах за незначительные превышения скорости, но штрафы уплачены. Несколько раз выезжал за границу: Турция, Египет, Франция. Спортом особо не увлекался, но здоровье в норме. В детстве переболел всеми детскими болезнями. В десятом классе болел желтухой. В двадцать семь лет вырезали аппендицит. Последние пять лет нигде не работает. С женой не живет. Вообще неизвестно, где он был последние пять лет. Однозначно можно сказать только, что за границу не выезжал.

– В общем, никто, и звать его никак, – прокомментировал досье помощник Тучкова, закрывая крышку ноутбука. – Если припугнуть как следует, то наверняка скиснет и от своих слов откажется.

Именно опираясь на такое заключение, губернатор и выбрал тактику поведения, но после первых же слов понял, что она ошибочна. Панкратов пожал ему руку. Рука была сильная. Губернатор почувствовал, что если бы Панкратов захотел, то смог бы сдавить его пальцы еще сильнее, да так, что они затрещали бы и сломались, как спички. Но Панкратов пожал именно так, как жмут руку сильные и знающие себе цену люди. Крепко и с достоинством.

Панкратов сел и указал рукой на стул следователя.

– Садитесь, пожалуйста, в ногах правды нет.

Губернатор остался стоять. Панкратов посмотрел ему в глаза:

– Вы спрашивали, что я себе позволяю? Извольте, отвечу. Пытаюсь восстановить справедливость.

Губернатор примерно такого ответа и ожидал.

– А зачем тебе это надо?

– Что?

– Справедливость восстанавливать?

– Каждый человек должен об этом заботиться.

– Каждый человек в первую очередь думает о своей шкуре. Поэтому я и хочу спросить, какой у тебя шкурный интерес к этому делу?

Панкратов явно ждал этого вопроса. Он посмотрел в глаза губернатору:

– Никакого. Я хочу восстановить справедливость.

Губернатор махнул рукой:

– Да брось ты. Хочешь, я тебе денег дам? Миллион баксов. Поедешь отдохнуть на Канары.

– На Канарах я уже был. Спасибо. Денег мне тоже не надо. У меня есть ровно столько, сколько мне надо. А остальное я в могилу не унесу.

– Ты понимаешь, что своими действиями ты останавливаешь важный государственный процесс, подрываешь потенциал страны, можно сказать? Эта дорога нужна городу, как воздух. Да что дорога, ты подрываешь авторитет власти!

Панкратов снова посмотрел в глаза губернатору:

– Авторитет – он или есть, или его нет, а подорвать то, чего нет, нельзя. Если я не прав, то завтра, – Панкратов посмотрел на часы – было уже десять минут первого, – вернее, сегодня это станет всем понятно.

– Сегодня. Но для тебя это сегодня может ведь и не наступить. Ты это понимаешь?

Теперь уже губернатор заглянул в глаза Панкратову. Панкратов согласно кивнул:

– Очень хорошо понимаю. Думаю, сейчас вы скажете мне про пресс-хату – камеру, где сидят подготовленные уголовники, – куда вы меня посадите, если я не буду более сговорчивым.

Губернатор смутился, потому что Панкратов точно угадал его мысли.

– Ну почему сразу уголовники? Какие у вас грязные мысли!

Панкратов усмехнулся:

– Грязные мысли у вас, а я их просто озвучил. Так что, посадите?

– Подумаю.

– Это вы – обидчик?

Губернатор попытался выдержать взгляд Панкратова:

– Нет. Не я.

Панкратов наклонил голову и принялся с интересом рассматривать жилку, бьющуюся на шее губернатора.

– А кто?

– Не знаю.

– Вы – власть и должны наказать обидчика. Иначе это сделаю я.

– Накажем. Обещаю тебе.

– Приведите его в полдень на лобное место.

– Ну, извини, так быстро дела не делаются. Надо провести следствие, разобраться в степени вины.

– Там все просто. Кто приказал ломать дом и строить дорогу, тот и виноват. Чья подпись стоит на приказе?

– Ничья.

Панкратов усмехнулся:

– Понятно. Вы извините, мне больше не о чем с вами говорить.

Губернатор грохнул дверью и вышел из кабинета следователя.

* * *

Губернатор с шумом вошел в кабинет начальника милиции. Его помощники и члены Совета безопасности были уже там. Несмотря на то что кабинет был довольно просторным, в нем все равно было душно от большого скопления народа.

– Набздели тут, – проворчал губернатор, – хоть топор вешай. Форточки откройте или кондиционер включите. Дышать нечем.

Начальник милиции торопливо полез на подоконник и открыл окно. Пока он лазил, губернатор сел на его место. Вытер пот со лба. Посмотрел на сидящих. Все старались не встречаться с ним взглядом. Губернатор взглянул на часы. Было уже полвторого ночи. «Блин, как же быстро бежит время!»

– Итак, господа, какие будут предложения по создавшейся ситуации?

Сидящий справа от губернатора министр по средствам массовой информации поднял руку:

– Разрешите?

– Давай.

– Информация о событии распространились уже по всему российскому сегменту Интернета. Идет активное обсуждение на всех форумах. Народ пока всецело поддерживает Панкратова. Завтра на площадь готовы прийти более тысячи человек. Как ни странно, нашлись и те, кто готов выйти Защитником.

Губернатор поморщился:

– Какова вероятность, что действительно найдутся желающие?

– Вероятность мала, но есть. Русский народ, сами знаете, непредсказуем.

– Я давно говорил, его надо запретить.

– Кого? Народ?

– Интернет. Как в Китае. Теперь вот дождались. Что предлагаешь?

– Мы тут собрали кое-какую информацию по нашему объекту. Информация, правда, старая, пятилетней давности, но в принципе кое-что есть. Можем ударить из всех стволов через Интернет, газеты, телевидение, радио. Сделаем так, что люди при виде него будут за животы от смеха хвататься. Так смешаем с грязью, что век не отмоется. Никто с ним рядом не встанет.

– Отлично. Действуйте.

– Есть только одна проблема.

– Какая?

– Деньги. Люди будут работать ночью, потребуют премиальных.

– Пообещай, что будут из моего личного фонда.

Министр по средствам массовой информации вышел. Вместе с ним вышли два его помощника.

– А может, площадь перекрыть? – подал голос министр по чрезвычайным ситуациям. – Сообщить, что она заминирована или трубу газовую прорвало. Можно даже вывезти людей из близлежащих домов. Никого не пускать.

– Тоже неплохо, – довольно хмыкнул губернатор. – Действуйте.

– А мы войска подгоним. Якобы для охраны пустующих домов от мародерства. Перекроем к площади все подступы, ни одна мышь не проскочит, – вставил свое слово начальник военного гарнизона города.

Губернатор кивнул, давая понять, что это предложение тоже принято. Министр по ЧС надел фуражку и вышел. Вместе с ним вышли его заместитель и помощник. За ними потянулся начальник гарнизона. Губернатор посмотрел на представителя федеральной службы безопасности, приглашая его высказаться. Фээсбэшник не стал отмалчиваться:

– Не волнуйтесь, Сергей Павлович, мы тоже делаем все возможное и невозможное. Поверьте, мы контролируем ситуацию.

Губернатор поморщился. Он предпочел бы сам ее контролировать, но большего от комитетчиков он все равно не смог добиться:

– Хорошо.

Помощник Тучкова поднял голову от ноутбука:

– Сергей Павлович, можно и я слово скажу?

– Валяй.

– Панкратова, как я понимаю, уговорить не удалось?

– Нет.

– Но ведь можно попытаться надавить на тех, за кого он собирается заступаться. На Сергеевых.

– Как?

– Я тут проверил. Действительно, компенсация, которую предложили семье Сергеевых, очень маленькая, а участок, предложенный взамен, не равнозначный. Давайте им выдадим компенсацию, какую положено, и с землей не обидим. Они и затихнут.

Губернатор возмутился:

– Да они и не возбухали. Но если завтра всем станет известно о нашей щедрости, то к обеду возле кабинетов вырастет куча таких защитничков. Устанем деньги раздавать.

Помощник поправил очки:

– Ну, я берусь уладить все по-тихому.

– Улаживай.

– Есть. Разрешите идти?

– Иди.

Помощник Тучкова вышел. Губернатор потер покрасневшие глаза. Очень хотелось спать. Последний раз он бодрствовал ночью лет тридцать назад, когда командовал взводом в Чечне перед взятием Грозного. Но тогда он воевал с бандформированиями, и было понятно, где враг, а где друг. А сейчас? По сути, ведь этот Панкратов ничего такого не хотел. Просто встал на защиту стариков, как… Как кто?

Губернатор никак не мог подобрать слова. Вошла молодая секретарша. Принесла всем кофе. Губернатор посмотрел на начальника милиции.

– Хорошие у тебя сотрудники. И ночью работают.

Начальник милиции довольно хмыкнул.

– Светлана и днем, и ночью работает. Незаменимая помощница.

Он кашлянул в кулак:

– Сергей Павлович, разрешите обратиться?

– Обращайся.

– А что все же с подследственным делать? Куда его? В камеру или отпустить?

Губернатор посмотрел в окно. На горизонте еще темно, но по каким-то еле уловимым признакам было понятно, что солнце вот-вот должно появиться.

Губернатор вспомнил, что когда-то давно, можно даже сказать, в другой жизни, в точно такое же время он принял решение идти на штурм мэрии Грозного и лично возглавил группу захвата. Лично. Иначе поднять за собой бойцов не удалось бы. Они ворвались в здание и дрались с чеченцами на ножах, потом душили друг друга до тех пор, пока в здании не остался только он один. Он должен был тогда победить и победил. Лично. Правда, тогда он был молод, и терять ему особо было нечего, зато в случае победы перед ним открывались огромные перспективы. Тогда он рискнул и выиграл. После этого и началась его стремительная карьера. Герой России. Депутат. Министр обороны. Губернатор.

В тот момент, когда солнечные лучи все же окрасили малиновым светом чернильное небо, он вдруг отчетливо понял, что и сегодня ему все же придется самому выходить на поле судебного поединка. Лично. И никто ему не поможет, ни помощники, ни машины с мигалками, ни хорошие связи с президентом, ни охрана.

Никто. Какая глупость! И тем не менее это так! Как поступить? После многолетнего пребывания в коридорах власти его мозг уже не мог работать по-другому. Хотел, но не мог, поэтому он вместо того, чтобы думать, как исправить ситуацию в целом, начал думать о том, как победить своего противника. Надо сделать так, чтобы противник был максимально ослаблен. Да! Точно! Губернатор посмотрел на начальника милиции, полковника Морозова:

– Значит, сделаем так. Пошли к Панкратову свою секретутку. Пусть она его обработает. Измотает до изнеможения. А потом в камеру его посади. Да подбери хату покруче, где сидят товарищи с пониманием.

Нужно, чтобы к утру он был как выжатый лимон. А мне постели в своей комнате отдыха. У тебя есть такая?

– Есть. Все понял, сделаю.

– Вот и отлично. Давай веди в свои чертоги. Мне надо выспаться. Все остальные могут быть свободны. Но в девять часов утра чтобы снова были здесь. Ясно?

Помощников уговаривать не пришлось. После его слов всех как ветром сдуло. Губернатор прошел в комнату отдыха, разделся и повалился на широкую кушетку. Закрыл глаза и попытался уснуть, но сон все никак не шел. Он еще раз прикинул варианты. Как поступить? Тогда, в Чечне, решение принимать было легко, его ничто не держало. А сейчас? Нет, конечно, можно было бы признать ошибку и рассмотреть альтернативный вариант дороги. Тот, который на самом деле был гораздо лучше и дешевле как с точки зрения экологии, так и по всем другим параметрам, да и народ его поддерживал, поскольку он учитывал интересы всех. Но… тогда ведь придется отказаться от откатов на строительство, которые ему обещаны от фирм-участников тендеров на подряды. Да еще надо будет вернуть десять миллионов евро, которые он получил в качестве задатка от группы московских девелоперов, которые хотели за бесценок скупить все земли вдоль дороги и настроить там элитной недвижимости. Нет, слишком много интересов задействовано в этом проекте.

Да и что толку возвращать? Девелоперы обиды не простят и в лучшем случае не поддержат на следующих выборах, а в худшем… Пришлют киллера. Киллера? Точно! А что если убрать этого Панкратова? А народу скинуть мысль, что это преступный мир не хочет правосудия? Можно будет возглавить комитет по борьбе с преступностью. Взять дело под личный контроль. Отличная идея!

Губернатор сел на кровати и в темноте на ощупь нашел свой мобильный телефон. Набрал по памяти номер. Это был особый телефон, которого не было в базе данных телефонной компании, и поэтому прослушать его никто не мог. На другом конце провода раздался хриплый голос:

– Я знал, что ты мне позвонишь.

– Ты сможешь мне помочь?

– Да.

– Как?

– Мы можем взять всех его родственников в заложники и пригрозить, что если не сделает так, как нам надо, он их больше никогда не увидит.

– Сколько?

– Учитывая ситуацию, плюс срочность, готов это сделать за пять с плюсом.

– Сколько-сколько? Пять с половиной «лимонов»? А не круто?

– Не хочешь – как хочешь. Тогда решай проблему сам.

– Хорошо, я согласен, но если он такой же отморозок, как и ты, и ему на родственников наплевать?

– Тогда есть альтернативный вариант. Радикальный.

– Сколько?

– Столько же.

– Но у меня нет столько.

– Хорошо, «лимон» готов скостить.

– Согласен. Но действовать надо очень аккуратно. Понимаешь?

– Не волнуйся. Работа тонкая, но выполнимая, можем даже вас зацепить для правдоподобия. Обещаем, жизненно важные органы не заденем.

Губернатор почувствовал, как по спине пробежали мурашки, и ему реально стало страшно. Причем так страшно, как не было никогда, даже в тот день, когда он стоял напротив чеченца в здании мэрии города Грозный.

– Нет, такого правдоподобия нам не надо.

– Ну, как хочешь. Тогда жду аванса.

Связь разъединилась, и губернатор погрузился в беспокойный сон.

* * *

Светлана, покачивая бедрами, прошлась перед Панкратовым и села на стол, скрестив ноги. Наклонилась вперед, демонстрируя глубокое декольте.

– Привет, меня зовут Светлана.

– Очень приятно, Игорь.

– Меня прислал к тебе начальник, и я готова выполнить любое твое желание.

– Любое?

– Да.

– Поставь за меня свечку в церкви.

– Свечку? – смутилась женщина. – И все? А ты разве меня не хочешь?

Панкратов с интересом осмотрел ее.

– Хочу, конечно. Я уже пять лет к вам не прикасался.

– Пять лет, – удивилась Светлана. – И где же ты был так долго. В тюрьме?

Панкратов ничего не ответил, и Светлана продолжила:

– Бедненький! Ну так давай, действуй.

Светлана неестественно засмеялась, откинув голову назад, и призывно выгнула спину:

– За все уплачено.

Игорь встал, размял ноги, подошел к ней и мягко положил ей руки на плечи:

– А ты сама этого хочешь?

Светлана снова смутилась. Ее телом пользовались все, кто хотел, давая взамен деньги. Но никто ни разу не спросил, чего хочет она.

Он заглянул Светлане в глаза, и она вдруг почувствовала, что на нее обрушился такой поток нежности и заботы, какой она видела только в детстве, от отца. Это было так неожиданно, что она растерялась и, повинуясь какому-то древнему инстинкту, отстранилась:

– Подожди!

Светлана положила руку на грудь Панкратову. Он тут же убрал руки с ее плеч и сделал шаг назад.

– Вот видишь, не хочешь!

Панкратов отвернулся и посмотрел на дверь. Она была чуть приоткрыта. Он подошел и закрыл ее.

– Пусть подслушивают, а не подглядывают, – пошутил он, оборачиваясь к Светлане. – Знаешь, там, где я был последние пять лет, меня предупреждали, что меня будут искушать всякими способами. В том числе и женщиной. Поэтому я был готов к твоему приходу. Они думают, что, прикоснувшись к тебе, я потеряю силу, но ведь может быть и наоборот. Я заберу ее у тебя. – Он снова подошел к ней и крепко прижал к себе. Она почувствовала мощные руки мужчины, способные сделать с ней все что угодно и когда угодно. Она тут же обмякла настолько, что если бы Панкратов захотел, то она не смогла бы сопротивляться. Но Панкратов и не думал овладевать ею. Он поддержал ее, готовую упасть ему на плечо.

– Видишь, это не так сложно. Но я верну тебе все, что взял, если захочешь. Но позже.

– Ничего ты мне не сможешь вернуть, – ответила Светлана. – Ты что, не понимаешь, что тебе завтра все равно ничего не дадут сделать. Да что завтра. Через два, максимум через три часа в свет выйдут газеты, где на тебя выльют ушаты грязи, площадь перекроют войска, а те, кого ты собрался защищать, предадут тебя прилюдно.

– Они слабые, – тихо ответил Панкратов. – Они могут это сделать, но я думаю, что от Суда Божьего все равно никто уйти не сможет.

– Не понимаю, как это может случиться? – сказала Светлана. – Они все пути перекрыли. У них в руках власть и сила. Их много, а ты один.

Панкратов улыбнулся.

– А ты не понимай, ты просто поверь.

Светлана прикусила губу. От Панкратова исходила сила, которой она не могла сопротивляться. Впервые в жизни она увидела человека, который отвернулся от нее как мужчина, но которого она вдруг сама захотела как женщина. Если бы он сейчас захотел взять ее, то она бы отдалась ему с великой радостью, но сказать это вслух она не могла. Она стеснялась. Пожалуй, тоже впервые в жизни.

– Ну, так как, поставишь за меня свечку? – переспросил Панкратов, прервав ход ее мыслей.

Она покраснела, устыдившись своих дум, закусила губу и кивнула: «Да!»

– Вот и отлично. А теперь уходи. Ты красивая женщина, и если судьбе будет угодно, мы еще с тобой встретимся.

– Слушай, – зашептала Светлана. – Я знаю, я слышала, как только я выйду отсюда, они бросят тебя в камеру к уголовникам, но я могу тебе помочь. Я знаю, что губернатор спит здесь в здании. Я отвлеку охрану и проведу тебя к нему. Ты его убьешь или возьмешь в заложники. Сделаешь с ним, что хочешь, и победишь.

Панкратов заулыбался:

– Прямо как Юдифь.

Он провел рукой по ее волосам:

– Извини, я не хищник. Мне этого не надо.

– Если ты не хищник, то кто?

Панкратов улыбнулся:

– Защитник.

– Защитник? – повторила удивленно за ним Светлана. – Это что такое? Новое подразделение МВД или ФСБ?

– Да, что-то вроде того, только ни милиция, ни федералы к нему никакого отношения не имеют.

Светлана открыла рот, чтобы еще что-то спросить, но Панкратов ее остановил:

– Все, больше я пока ничего сказать не могу. Даст бог, свидимся, все расскажу. А сейчас уходи. Мне нужно приготовиться к бою.

Светлана сделала большие глаза, но Панкратов закрыл ей рот руками и вытолкал за дверь.

* * *

Губернатор проснулся от шума за дверью. Он вытянул руку и посмотрел на часы. Стрелки показывали шесть часов утра.

– Что там случилось? – громко крикнул губернатор. – Какого ляда вы шумите?

Дверь в комнату отдыха чуть приоткрылась, и в щели показалась голова начальника милиции:

– Разрешите?

– Валяй, заходи.

Начальник милиции открыл дверь полностью. Яркий искусственный свет больно ударил губернатору в лицо. Он зажмурился.

– Ну, что там?

– Он ушел, Сергей Павлович.

– Кто он? – не сразу понял губернатор.

– Этот, как его, Панкратов.

Губернатор сел.

– Как так ушел? Откуда?

– Согласно вашему распоряжению, после общения со Светланой мы собирались препроводить его в камеру к уголовникам.

– Ну и что? Препроводили?

– Нет. Когда за ним пришел конвой, то не обнаружил Панкратова в кабинете.

– То есть как не обнаружил?

– Ну, он шустрым парнем оказался. Как-то уцепился за дверную коробку и повис над входом. Прям спайдер-мен какой-то, человек-паук. Они дверь открыли, прошли мимо, а он и выскочил в коридор. Там его попытались задержать ребята из патруля, которые с дежурства возвращались, но он так ловко и аккуратно всех обошел, что никто даже зацепиться за него не успел. Прошел сквозь них, как нож сквозь масло. Или как песок между пальцами.

Полковник милиции смешно, как ребенок, развел руками. Губернатор чертыхнулся. «Зацепился за косяк – значит, обладает специальными навыками горных егерей. Справился с милицейским патрулем? Да еще так ловко». У него засосало под ложечкой. Он не простой тюфяк, он подготовлен. Блин, кто этот человек? Откуда?

Губернатор начал одеваться, пытаясь сообразить, что делать.

– Скажи, – губернатор обратился к начальнику милиции, – а подруга твоя долго с ним была?

Начальник покачал головой:

– Ну, не очень. Минут тридцать.

– И что она говорит? Было у них дело или нет?

– Не успел спросить.

– Давай ее сюда.

– Так она вроде домой ушла.

– Ну так верните! Живо!

Начальник милиции скрылся за дверью. Губернатор прошелся по комнате. Он попытался вспомнить, кто же дал ему идею, что Панкратов – обычный человек, который есть никто и звать его никак. «Помощник! Точно».

«Ах ты, подлюка! Специально пустил меня по ложному следу! Но кто ему поручил это? В чьих интересах он действует?»

Губернатор начал ходить туда-сюда по комнате. «Кто? Кто натравил на меня этого паука?» Новая догадка пронзила его мозг: «Федералы!» Он вспомнил, что на совещании только они сидели молча, были абсолютно спокойны и ничего не предлагали. «Точно, они! Надо кому-нибудь позвонить, узнать, в чем дело. Кому?»

Губернатор схватил свой секретный мобильный телефон и принялся перебирать электронную записную книжку. Пролистав половину страниц, он вдруг поймал себя на мысли, что его беспокоит что-то еще. Что? Точно! Последний звонок. Он всегда удалял этот номер из телефона, а сегодня забыл. Надо удалить, чтобы не было никаких улик.

Губернатор вышел из записной книжки и перешел в раздел «последние звонки». Удалил телефон, и вдруг его пронзила одна мысль. Точно, а ведь это могли быть «они». Губернатор даже в мыслях не хотел называть их лишний раз по именам. Они заплатили мне десять «лимонов» и половину потребовали за выполнение заказа.

Он вспомнил, что они еще на переговорах были недовольны той суммой, что заплатили, и говорили, что половины достаточно, но спорить не стали. Ну да, только они и знали, что у меня есть эти деньги. Так-так-так! Лоха из меня захотели сделать? Сегодня в полдень он ляжет под меня. Они скажут, что это из-за того, что у них в заложниках были его родственники. Я выиграю суд, отделаю этого Панкратова, как бог черепаху, и буду вынужден вернуть им все бабки. Ай, подонки! Вот это развод! Вот это мастера!

Губернатора даже пот прошиб от таких мыслей. Он выглянул в коридор. В здании управления было еще тихо. Жизнь еще не успела вступить в свои права. Не хлопали двери кабинетов, не раздавались звонки, да и у дверей никто не стоял. Ни свидетели, ни подследственные. Вернулся назад. На столе стоял недопитый кофе.

Губернатор отхлебнул из чашки и поморщился от отвращения. Мало того что напиток был холодным, но еще и горьким. Но тем не менее какое-то прояснение в мозгах все же наступило. «Итак, как мне проверить свои выводы? Элементарно. Сейчас позвоню “им”, и если “они” скажут, что все хорошо и заложники у них, значит, “они” задумали кидалово. А если нет, то что? Об этом буду думать позже».

Губернатор отхлебнул еще холодного кофе и нажал кнопку «последний звонок».

– Слушаю, – на том конце провода голос был, как всегда, спокоен.

– Как у нас дела? Заложники взяты?

– Нет. В деревне Вербилки Панкратов появлялся пять лет назад. Соседи говорят, что он ушел в монастырь.

В какой – не знают. Скорее всего, это фигуральное выражение.

– А родственники?

– Вот это самое странное. Буквально за несколько минут до нас их всех увез черный вертолет.

– Черный?

– Да. Мы пробили по базе. Это мог быть вертолет фирмы, владельцем которой является… центральная синагога России.

– Кто? – не веря своим ушам, переспросил губернатор.

– Евреи. Кстати, вертолет до сих пор не вернулся на аэродром. На радарах его нигде нет. На позывные не отвечает.

– Понятно, – сказал губернатор. – Что думаете делать?

– Будем продолжать искать вертолет, но готовимся и ко второму варианту. У нас все четко. Главное, чтобы вы не передумали.

Губернатор отключил телефон и уставился в стенку. Час от часу не легче! Евреи. В свое время он встречался с раввином по вопросу открытия синагоги в области, но они так и не пришли ни к какому соглашению. Не договорились об аренде. Милый старикашка. Совершенно безобидный. Он-то здесь каким боком завязан?

В дверь постучали.

– Кто там?

Дверь открылась, и на пороге появилась Светлана.

– Заходи, – губернатор кивком головы пригласил ее войти. Вслед за ней в комнату вошел начальник милиции.

– А ты иди, занимайся своими делами.

– Объявить Панкратова в розыск?

Губернатор на какое-то время задумался. «Хорошая идея. Задержать его – и никакого Суда не будет». Но тут же осекся. «Черт побери! Проклятый Интернет. Одному богу теперь известно, сколько человек готовы будут сегодня выйти вместо него на поле. Может, и никого, если министр по СМИ постарается, но рисковать нельзя. Пусть лучше будет этот, уставший, чем другие, полные сил и энергии».

– Нет, не надо, – остановил полковника губернатор. – Пока не надо.

Глава 3
Лобное место

С самого утра на центральной площади города N работал экскаватор. Раскурочив старинную брусчатку, он вырыл глубокий котлован, оголив трубы центрального отопления. Бригада ремонтников ничего не понимала, но тем не менее старательно, со всех сторон осматривала их, пытаясь найти место утечки газа. Бригадир, совершенно не задумываясь о последствиях, курил папиросу, пуская в небо кольца дыма. Экскаваторщик насыпал рядом с ямой огромный холм и потом, от нечего делать, начал, управляя рычагами мощной машины, «играть в куличики» – приминать ковшом его вершину. В результате он разровнял ее так, что получилась ровная и плоская площадка. С чувством исполненного долга он остановил ковш над этой площадкой, как будто раскрыл зонтик над ее серединой, выключил двигатели и принялся осматривать окрестности.

Чуть в стороне, на краю площади возвышался бронзовый вождь мирового пролетариата, чудом устоявший на своем месте в годы перестройки и смены власти. Экскаваторщик отдал вождю честь пионерским салютом и проследил взглядом за указующей рукой вождя. Согласно замыслу скульптора, это был путь, куда надо идти народу. Взгляд экскаваторщика уперся в небо. Солнце медленно подбиралось к зениту. Опустив глаза, экскаваторщик уперся взглядом в рекламный щит, который призывал мусульман жертвовать на мечеть.

Экскаваторщик достал из кармана четки и прочитал короткую молитву во славу Аллаха. Повернув голову чуть в сторону, он увидел купола православной церкви. Экскаваторщик перекрестился на нее. Снова посмотрел в небо. Солнце, казалось, стояло на месте. Раздался вой сирен. На раскуроченную площадь прорвался кортеж правительственных машин.

Из бронированного лимузина вышли губернатор и Светлана. Губернатор был одет в спортивный костюм и кроссовки, на Светлане – простое платье, волосы убраны под платок. К губернатору тут же подскочили министр по чрезвычайным ситуациям и начальник военного гарнизона с докладом.

Губернатор не стал их выслушивать.

– Это что такое? – заорал он благим матом. – Что это такое, я вас спрашиваю?

Министры недоумевающе завертели головам. Наконец один из них, бывший спасатель, понял, куда указывает рука губернатора.

– Земля, Сергей Павлович. Вырыли яму, искали утечку газа.

– Какого на хрен газа?

– Природного. Был сигнал, что на площади чувствуется сильный запах газа. Вот, отреагировали.

– Какой сигнал? Ты в своем уме? Вы зачем этот холм насыпали?

Бывший спасатель развел руками:

– Сейчас уберем.

– Быстро, – зашипел губернатор. – Чтобы через десять минут площадь была ровной, как футбольное поле.

– Слушаюсь.

Бывшего спасателя как ветром сдуло. Губернатор посмотрел на военного:

– Подступы перекрыли?

– Так точно.

– Много желающих попасть на площадь?

Военный наклонился к самому уху и что-то шепнул. Губернатор удивленно взглянул на него:

– Что, правда?

– Да, четыре колонны. Во главе каждой колонны священники. Мулла, раввин, батюшка и буддийские монахи. И все требуют прохода. Что прикажете делать?

– А батюшка кто?

– Митрополит.

Губернатор матюгнулся.

– Полный бред. Никого не пускать. Пусть в громкоговорители непрерывно объявляют, что на площади утечка газа и проход опасен для жизни.

Губернатор посмотрел на небо. До зенита солнцу было ползти еще полчаса.

* * *

Министр по чрезвычайным ситуациям подскочил к экскаватору и принялся орать на экскаваторщика.

– Твою дивизию! Какого хрена ты этот холм насыпал?

Экскаваторщик из кабины удивленно воззрился на орущего.

– А что надо было?

– Землю рассыпать ровным слоем по площади.

– А-га, – протянул экскаваторщик. – А просеивать ее не надо было?

Министр пригрозил ему кулаком.

– Порассуждай тут у меня. Давай быстро разравнивай этот холм.

Экскаваторщик хохотнул и достал из-под сиденья булку и пакет молока.

– Ага, ща, только шнурки подтяну. У меня обед до двенадцати. А будешь наседать, вообще уйду. И еще, что там насчет премиальных? Обещали двойной оклад.

Министр открыл было рот, чтобы что-то сказать, но махнул рукой и, придерживая на голове фуражку с высокой тульей, побежал назад к губернатору.

* * *

Губернатор посмотрел на уткой семенящего к нему министра и снова взглянул на часы. Стрелки показывали уже без двадцати двенадцать. Он осмотрел пустую площадь и прилегающие к ней здания. Эти дома, построенные еще при советской власти, были с балконами, выходящими не во дворы, а на улицы. Он хорошо помнил, что когда был еще мальчишкой, ходил с родителями на демонстрации у себя в родном городе и всегда приветствовал тех, кто в это время стоял на балконах. Сейчас балконы были пусты. Ни единой души.

«Хорошо работают спасатели. Всех эвакуировали. Молодцы. Надо будет отметить потом на планерке».

Он посмотрел через плечо и подозвал к себе помощника:

– Напомни мне, когда это все закончится, чтобы я спасателей отметил. Молодцы! Чисто сработали. Всех вывезли.

Министр подбежал к губернатору:

– Разрешите доложить, Сергей Павлович?

– Что там?

– У рабочих обед до двенадцати. Всю ночь же работали. Сейчас поедят и расчистят площадку.

Губернатор крякнул от злости, но, взглянув в полные собачьей преданности глаза министра по чрезвычайным ситуациям, понял, что сейчас ругаться уже бесполезно. Он махнул рукой. Посмотрел на площадь. В кабине экскаватора одиноко маячила фигура мужчины. Он сидел к нему спиной и держал в руке пакет с молоком. Было видно, как он жует хлеб. Обычный работяга, наверняка гастарбайтер откуда-нибудь из Средней Азии.

Губернатор обратился к Светлане:

– Ну и где он, твой Защитник? Время уже почти полдень, а площадь пуста. Испугался, что ли?

Светлана промолчала.

Губернатор подумал, а может быть, он и вправду испугался и не придет? Умиротворяющая мысль настолько согрела его сердце, что он тут же поверил в нее и начал развивать. Тогда получится, что я-то Суда Божьего не испугался! Губернатор принял мгновенное решение.

– Ну так, – он подозвал к себе начальника гарнизона. – Дай распоряжение своим, пусть пропустят на площадь священников. Но только одних, без толпы. – Он представил, как эффектно будет выглядеть один в центре площади, а может быть, даже и на вершине этой площадки, которую тут насыпали.

– А ты, – он обернулся к министру по СМИ, – телекамеры быстро установи по периметру. Но только проверенных людей! Сам понимаешь! И никакого прямого эфира! Весь отснятый материал потом мне покажешь!

Мысль губернатора заработала дальше. Представители четырех главных религий признают, что он одержал верх в поединке, да не в простом, а в Суде Божьем. Что он прав по всем статьям! Вот это перспективы!

Кристально честный человек! Могучий победитель по древнейшим обычаям предков! Неплохая заявка на новый виток карьеры.

Губернатор аж задохнулся от своих мыслей. А что? Может быть, и Кремль! Он крепко сжал губы. Нет, лучше об этом не думать. Всему свое время.

* * *

Тень от солнца стала совсем крохотной. Солнечный диск уже коснулся середины неба. Губернатор не спеша поднялся на холм и встал на краю площадки. Внизу, у подножия холма стояла его свита и смотрела на него. Чуть в стороне стояла Светлана. Она на него не смотрела. Будь у губернатора хоть немного поэзии в душе, он сказал бы, что она, скорее всего, смотрела внутрь себя. Но у губернатора со стихами всегда было туго, поэтому он увидел только красивое тело. Полюбовавшись им несколько мгновений, он посмотрел вниз и увидел, что у него под ногами, можно сказать, под землей копошились люди из ремонтной бригады. «Это хорошо, – тут же отметил он. – Тоже будут потом свидетелями!»

Губернатор широко расправил плечи. Порыв ветра толкнул его в грудь, но он устоял на самой кромке и даже не шелохнулся. Подумал, что если камеры успели зафиксировать этот момент, то надо будет потом использовать его в репортаже. Он посмотрел на телевизионщиков. Четыре камеры нацелили на него свои объективы. Губернатор еще раз окинул взглядом окрестности. Ему показалось, что в доме напротив колыхнулась занавеска. «Ага! А вот и представители криминальных структур! Легки на помине». Ему стало не по себе при мысли, что находится под оптическим прицелом винтовки, но он тут же сам себя успокоил. Все нормально. Все идет по плану. Никто в него стрелять не будет. Сейчас это никому не выгодно.

Черный клобук православного священника, зеленая чалма муллы, черная шляпа раввина, лысая голова буддийского ламы. Четыре священника поднялись на холм с четырех сторон, каждый читая свои молитвы.

Они не стали подниматься на вершину холма, а встали так, чтобы видеть друг друга только по пояс.

* * *

Тень от солнца исчезла.

– Ну что, святые отцы! – воскликнул радостно губернатор, показывая рукой на небо. – Свершился ваш Суд? Не пришел ваш Защитник! Признавайте меня победителем! Как это там у вас делается?

– Не спеши, – раздался хриплый голос за спиной губернатора. Губернатор вздрогнул, обернулся и увидел за спиной Панкратова. Тот сидел в кресле экскаваторщика и дожевывал булку. Над верхней губой его поблескивали молочные «усы».

– Суд только начинается.

Панкратов встал, снял с руки часы и повесил их за ремень на дверь кабины. Часы стали маленьким проектором. Он нажал на них несколько кнопок, и в воздухе появился текст основных постулатов Священного Суда. Они загорелись прямо на голубом небе. И любой желающий мог прочитать их из любой точки города.

Панкратов ловко перебрался на стрелу экскаватора и по ней прошел до ковша. Спрыгнул на край площадки. Встал лицом к губернатору. Губернатор взглянул в глаза Панкратову и одновременно увидел черную тень за его спиной в том окне, где качалась занавеска. Подумал: «Самый удачный момент для выстрела. Внимание всех приковано к центру площадки». Он зажмурился, ожидая выстрела, но вместо этого услышал слова Панкратова:

– Я – сын Божий, Игорь Панкратов, волею судеб встал на защиту слабых. Я обвиняю тебя, сына Божьего Сергея Тучкова, в корысти и предательстве интересов людей, которым ты служишь как губернатор области. Я вызываю тебя на честный поединок. И пусть высший суд – Суд Бога – рассудит нас. Я клянусь, что буду биться с тобой честно и до самого конца. Я готов умереть за свои слова. Готов ли ты на это?

Губернатор растерянно посмотрел по сторонам. Все внимательно слушали и ждали его ответа.

– Какое право ты имеешь обвинять меня в каких-то грехах? Кто ты такой, чтобы говорить все это мне, губернатору, назначенному самим президентом?

– Это право дано мне от рождения. Я – сын Божий, такой же, как и ты, такой же, как и президент. Перед Судом Божьим все равны. Если я не прав, накажи меня за мою дерзость. Лично. Готов ли ты принять мой вызов?

Несколько секунд губернатор боролся с желанием плюнуть на все и спуститься с горы. Бред какой-то.

Сейчас какой век? Мы же живем в цивилизованной стране. Как он мог дойти до такого? Потом у него мелькнула мысль арестовать этого наглеца, но он вспомнил про нацеленные на них видеокамеры. Про бригаду ремонтников, которая во все глаза и пока ничего не понимая смотрела на происходящее. На священников, которые молча стояли у самых ног и все слышали. Про его свиту, про Светлану, про неизвестного киллера, наконец. Если он уйдет, то рано или поздно все узнают, что он отказался от вызова. Что он струсил, испугался, не захотел! Неважно. Ему стало понятно, что именно сейчас наступил момент истины. Именно сейчас ему уже не спрятаться за спины своих подчиненных, за многочисленные законы, приказы и подзаконные акты. Ему нужно решать, как тогда, в Чечне, когда он лично повел в атаку молодых ребят.

Губернатор зарычал, наклонил голову и бросился на Панкратова. Он перехватил его за пояс и попытался столкнуть с площадки. Панкратов не удержался и, увлекая за собой губернатора, кубарем покатился по склону холма, чуть не сбив буддийского священника.

* * *

У наемного убийцы было очень четкое задание. Убрать того, кто встанет напротив губернатора, но только после начала драки. Ему платили такие бабки именно за то, что он никогда не нарушал приказов, поэтому и сейчас, удобно устроившись с «винторезом» на широком подоконнике в доме сталинской эпохи, он не спешил нажимать на курок, хотя затылок объекта уже

давно находился в перекрестье прицела. Объект закрывал собой фигуру губернатора, поэтому он не мог заметить того момента, когда тот, сделав несколько шагов вперед, бросился на Панкратова. Затылок объекта исчез из прицела. Убийца чертыхнулся. Убрал в сторону винтовку, взял в руки бинокль. Мощные окуляры позволяли увидеть то, что происходит на площади, достаточно хорошо.

Губернатор и Панкратов, скатившись с холма, дрались у его подножия, подняв с земли тучи пыли, а все, кто находился в непосредственно близости, окружили их плотным кольцом и мешали прицелиться. Ему стало понятно, что он упустил момент. Теперь надо было ждать исхода поединка. Он перевел окуляры бинокля на вершину холма. Четыре священника молча встали наверху, выстроившись в ряд у самой кромки площадки, и смотрели вниз на поединок. Их лица были беспристрастны и сосредоточенны. В отличие от него, им было хорошо видно, что происходит там, внизу.

* * *

– Господи, помоги ему! – непроизвольно вырвалось у Светланы, когда она увидела, как двое здоровых мужчин покатились с горы, раздирая в кровь кожу на руках, лицах, телах. Вцепившись друг в друга, они стали как одно многорукое существо, как сиамские близнецы, разделить которых могла только смерть. У подножия холма наверху оказался губернатор. Покраснев от ярости, он вцепился пальцами в горло Панкратову и все пытался что-то выкрикнуть или сказать, но мог издать только нечленораздельные звуки. Панкратов не спешил.

Он не отрываясь следил за движениями своего противника и медленно раздирал его пальцы.

– Ах ты, гад! – наконец вырвалось у губернатора.

Он разжал пальцы и попытался ударить Панкратова кулаком в лицо. Панкратов прикрылся руками. Песок и пыль забили ему глаза, и он зажмурился, продолжая защищаться на ощупь.

– На, на, получи!

Ярость обезобразила благородное лицо губернатора. Он неистово вгонял кулаки в лицо своего противника.

– Вот тебе, вот! Получи!

Толпа возбужденно загудела.

– Добей его! Горе побежденному!

Панкратов напряг мышцы и перевернулся на живот, показав своему противнику спину. Губернатор бросился на него сзади, как удав, схватил Панкратова за горло и начал душить. Панкратов неимоверным усилием встал на ноги и начал вращаться вокруг своей оси, пытаясь сбросить губернатора. Ударив губернатора затылком, раскрошил ему зубы и сломал нос. Тучкову стало нечем дышать, и он ослабил хватку. Ударом локтя Панкратов сокрушил ребра губернатора и скинул его с себя. Губернатор упал на спину, но тут же вскочил. Они развернулись друг к другу лицом и застыли в боевых стойках.

Губернатор огляделся. Вокруг стояли его подчиненные в дорогих костюмах и галстуках. Среди них он увидел фигуру прокурора в синем костюме. «Почему его не было вчера на совещании? Почему он не остановит драку? Это же избиение!» – мелькнуло в голове губернатора, и он тут же нашел ответ: «Но он тоже фактически мой подчиненный и выполняет мои приказы, а я не давал приказа останавливать драку! Может быть, уже пора?»

Додумать до конца губернатор не успел. Панкратов ударил его кулаком в челюсть и отбросил на холм. Губернатор упал и нащупал рукой камень. Повинуясь древнему инстинкту, он зажал в руки первое оружие человека и замахнулся им на Панкратова.

– Брось камень! Не оскорбляй Бога! – тут же услышал он гневный окрик митрополита.

Губернатор уже не мог остановить бросок, мог только ослабить его. Камень, брошенный в Панкратова, сорвал у того с виска кусок кожи. Этот кусок повис на тоненькой ниточке, оголяя череп. В этом белом черепе губернатор вдруг увидел свою смерть. Ему стало страшно. Он начал пятиться назад, потом повернулся и побежал вокруг холма.

– Все! – отчаянно заорал он. – Я не хочу больше драться! Не хочу!

Он взбежал за холм с другой стороны и, смешно перебирая руками и ногами, забрался на верхнюю площадку:

– Слышите, вы! Я не хочу больше драться!

– Ты признаешь свою вину?

Панкратов поднялся на холм вслед за губернатором и встал рядом с ним. Кровь из раны на виске залила всю его грудь. Он еле стоял на ногах.

– Нет, не признаю, – губернатор упал на колени и заплакал. – Но я и не хочу драться. Я не буду больше драться. Слышишь? Мне плохо. Мне нужен врач.

Панкратов отступил на шаг назад и посмотрел на священников.

– Ты отказываешься от поединка, сын мой? – спросил его митрополит.

– Да, отказываюсь.

– Подумай. Отказ от Суда Божьего считается признанием вины. Мы будем вынуждены отлучить тебя от церкви.

– Я ни в чем не виновен! Ни в чем. Слышите, вы! Пошли на хер со своим Судом Божьим! Я не хочу его. Не хочу! Пусть меня судит наш родной российский суд. Прокурор, арестуйте их всех! Арестуйте меня!

Священники сурово смотрели на стоящего на коленях губернатора, потом повернулись к нему спиной, и каждый по очереди произнес.

– Суд Божий свершился. Сын Божий Тучков Сергей признается всеми церквями виновным в предъявленных ему обвинениях и отлучается от церкви.

* * *

Панкратов взял губернатора за плечо:

– Вставай. Я помогу тебе.

Губернатор отмахнулся.

– Уйди. Будь ты проклят. И откуда только ты взялся такой!

Панкратов снова прикоснулся к его плечу и склонил голову:

– Бог милосерден. Он еще может простить тебя. Может, поверь! Надо просто поверить в его милосердие! Я тебе все расскажу, и ты поймешь.

– Уйди. Не нужно мне никакого милосердия!

Панкратов посмотрел в глаза губернатору и увидел, что тот смотрит куда-то в сторону, за его спину. Он прочитал в глазах губернатора ужас вперемешку с ненавистью, обернулся и увидел солнечного зайчика в одном из окон домов рядом с площадью.

Панкратов вздрогнул, еще раз посмотрел на губернатора и укоризненно покачал головой:

– Зачем вы так?

Он снова посмотрел на солнечного зайчика, а потом на Тучкова:

– Ну, чего он медлит? Ждет приказа?

– Нет, не знаю. Приказ уже отдан.

– Кем?

– Мной.

– Понятно, наверное, ему неудобно стрелять. Думает, что вас может задеть.

Панкратов выпрямился и вышел на середину площадки.

* * *

– Как вы оцениваете результаты акции?

– Губернатор арестован, дал показания. Осужден. Но свою вину так и не признал. Может быть, позже. Не знаю. Впрочем, это ожидалось, но план строительства дороги пересмотрен. Поединок вызвал широчайший общественный резонанс во Всемирной сети и породил много легенд, стал народным фольклором и примером для подражания среди подростков. Однако, как мы и ожидали, наши официальные средства массовой информации постарались его замолчать. Западные СМИ, как обычно, исказили информацию. Но в целом считаю эксперимент удачным. Требует развития и популяризации. Сам факт умалчивания и искажения говорит о том, что ваши идеи были верными. Человек может и должен быть своим собственным Защитником, не искажая основных принципов веры в Бога.

Патриарх сидел в своем кресле, склонив голову чуть набок, и внимательно слушал рассказ митрополита.

Когда тот закончил, он спросил:

– У Панкратова был шанс остаться в живых?

Митрополит утвердительно кивнул:

– Да. Смерть была его осознанным выбором.

– И смертью смерть поправ! – произнес патриарх известные слова молитвы и добавил: – Известно, почему он это сделал?

Митрополит отрицательно покачал головой:

– Точно – нет. Но в келье, где он проходил обучение, остались его личные вещи и дневник, который он был обязан вести. Наверняка в них есть ответ на ваш вопрос. Если вы даете благословение, то я готов внимательно изучить их.

Патриарх кивнул:

– Изучите. Как продвигается ваша работа над учебником?

– Заканчиваю.

– Надеюсь, вы опишете этот эпизод и включите его в учебник.

– Безусловно.

Патриарх встал и, опираясь на свой посох, подошел к окну.

– Сделайте это как можно быстрее. Надеюсь, вы понимаете, что с этого должна начаться новая глава истории Церкви, а возможно, и всей планеты в целом. Назад дороги уже нет.

– Конечно.

– Мощи святого Защитника уже доставлены в град Китеж?

– Со всеми почестями. Завтра, согласно монастырскому уставу, тело будет предано огню, а прах развеян над полем.

Митрополит встал рядом с ним. За окнами текла обычная монастырская жизнь. Группа туристов слушала экскурсовода, монахи в черных одеяниях куда-то шли по своим делам. Нищие стояли на паперти и выпрашивали милостыню. Какое-то время священники молчали. Затем разговор продолжил патриарх:

– Как реагировали представители других конфессий на ваше обращение, когда вы приехали к ним? Все-таки решать вопрос пришлось быстро.

– Недопонимания не возникло. Все, в общем-то, были в курсе дела. Раввин сам предложил свой вертолет для защиты семьи Панкратова. В дальнейшем они также пообещали их не оставить. Впрочем, как и остальные конфессии. Мы, естественно, тоже в стороне не останемся.

– Хорошо.

Митрополит мотнул головой:

– Чуть не забыл сказать. Чета Сергеевых взяла всю заботу о сыне и жене своего Защитника. Приняла их как родных.

Патриарх улыбнулся:

– Это, пожалуй, самое важное.

Послесловие

На широкое деревянное крыльцо поднялись трое крепких мужчин. Первый был одет в байкерский кожаный плащ, кожаные штаны и высокие кожаные ботинки. Второй – в строгий деловой костюм, а третий, самый молодой, – как рэп-музыкант: в широких штанах, модной футболке и кепке козырьком назад. Сняв головные уборы и перекрестившись по православному обычаю, они вошли внутрь просторного помещения и подошли к старцу, стоявшему на коленях перед иконостасом.

– Отец, благослови! – обратился к старцу мужчина, стоящий в центре группы.

Старик на удивление живо поднялся с колен и, встав напротив мужчин, посмотрел на них снизу вверх. Он хоть и был кряжист, но все же уступал в росте богатырям.

– Ну что? Раз готовы, решили все для себя – езжайте! Сами знаете, на что идете. Буду за вас молиться. На рожон не лезьте, но и не пасуйте. Помните о брате своем Игоре. Не забывайте КОДЕКС ЗАЩИТНИКА, ОСНОВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ, и все будет хорошо.

Мужчины опустились на колени перед старцем, подставляя головы под крестное знамение.

– Ну, идите, идите, – старец перекрестил их. – Долгие проводы – лишние слезы. – Мужчины поднялись.

– С богом! Не забудьте у остальных благословения попросить!

Старик, повернувшись спиной, дал понять, что им пора уходить. Мужчины развернулись и молча вышли, а под сводами храма раздались громкие слова молитвы:

– Господи, упокой душу сына Твоего Игоря! Укрепи веру и дай силы Защитникам Твоим – Даниле, Илье и Алексею! Аминь!

ПИСЬМО ИГОРЯ ПАНКРАТОВА СЫНУ АЛЕКСЕЮ

Кому: Вятский район, д. Вербилки,
Панкратову Алексею.

Здравствуй, сын!

Вот решил написать тебе письмо. Кто знает, может быть, когда-нибудь ты прочтешь его. Может быть, тогда ты поймешь меня и простишь. Я не хотел предавать вас, тебя и твою мать. Так получилось. Я был слабым и не знал своей слабости. Другая женщина захватила мою душу, и я не смог, не нашел в себе сил противостоять этому влечению, за что буду вечно молить у вас прощения. Не знаю, поймешь ты меня или нет. Ты не думай, я хотел вернуться. И сейчас хочу, но как это сделать?

Казалось бы, ведь для того, чтобы получить прощение, надо было вернуться к вам и стоять на коленях перед твоей матерью до тех пор, пока она не простит. Но ты ведь знаешь свою мать. Это бы разозлило ее еще сильнее. Она не любит слабых. Ни одна женщина не любит слабых. И это правильно.

Случай, а может быть, Бог дал мне шанс стать сильным и найти способ вымолить прощения у вас. Мне и еще одиннадцати таким же заблудшим предложили пройти подготовку по специальной программе «Защитник». Не буду сейчас подробно объяснять, что это такое. Может быть, позже. Скажу только, что я стал послушником в монастыре «Град Китеж». У него также есть названия «Шамбала» и «Земля обетованная», некоторые называют его новой Запорожской Сечью. Неважно. Суть одна. Эта программа и монастырь – совместный проект четырех главных религиозных конфессий планеты, но руководит пока всеми наша Православная церковь. Хотя и слово «руководит» здесь тоже, пожалуй, не подходит. Настоятель нашего монастыря меняется на Суде Божьем при помощи честного поединка раз в год.

Год назад в поединке победил батюшка, и именно поэтому основное руководство осуществляется православными. Через год будет новый Божий Суд, и, возможно, настоятелем станет кто-то другой. История нашего монастыря знает время правления и мусульман, и иудеев, и буддистов. Впрочем, это ничего не меняет.

Только порядок молитв. Бог един, есть только разные вероисповедания.

Тебе, наверное, интересно узнать, как мы живем и что делаем. Рассказываю. Монастырь наш находится в глубокой тайге, в кратере потухшего вулкана. Попасть к нам можно только на вертолете, ну или преодолев пешком многие километры трудного пути через непроходимые болота. В центре кратера находится озеро, а на его берегу – четыре храма. На севере – православная церковь, на западе – синагога, на востоке – мечеть, а на юге – буддийский храм. В центре озера находится остров. Остров большой, как футбольное поле. В центре этого поля начерчен круг – лобное место. Именно на этом поле, в кругу и происходят все самые важные поединки. Ну не только, конечно, поединки. Философские споры, концерты. Даже просто в споре всегда нужно идти до конца. Нас этому учат. А концерт – это возможность через искусство высказать свои мысли. И тут тоже надо быть настоящим бойцом, ведь не все могут сразу признать твое творение.

Быт у нас простой. Целый день мы изучаем историю религий, законы различных стран, обычаи, языки, экономику, военное дело, психологию, педагогику, кинематографию. У нас огромная библиотека, а по телемостам при помощи спутниковой связи организуется обучение у лучших специалистов в своих областях.

Естественно, они не знают, кого они учат.

Конечно же, мы много тренируемся. Здоровый дух может быть только в здоровом теле. Боевые искусства, скалолазание и бег составляют основу нашей подготовки, а также метание ядра, копья, стрельба, атлетика, плавание. Играем в шахматы, шашки, лапту. Футбол у нас запрещен. Это бесовская игра. Вместо него мы играем в регби.

Защитник должен много знать и уметь. Можно сказать, что нас готовят, как настоящих разведчиков. Мы и есть разведчики Новой веры. В конце же нас всех ожидают испытания. Как говорят, огнем, водой и медными трубами. Что это такое? Я не знаю.

Живем мы в кельях. В специальных помещениях, вырубленных в скалах. Кельи большие и просторные.

Дверей в них нет. Мы ничего не скрываем от глаз посторонних. Все, что естественно, то не безобразно. Конечно, поначалу привыкнуть к этому тяжело, но потом – нормально. Как ни странно, в кельях совсем не холодно. Наверное, вулкан все же не до конца потух. Мы полностью автономны, у нас есть свое стадо коров, табун лошадей, свиньи, козы и овцы, теплицы, где мы выращиваем овощи и даже фрукты, кузница, электростанция. Мы используем энергию ветра. Если случается что-то серьезное, то мы можем обратиться за помощью, но пока, слава Богу, обходилось.

Рассказывать о монастыре можно бесконечно. Здесь хоть и очень тяжело жить – природа вокруг суровая, – но интересно. Одно плохо: скучаю я по тебе очень, сынок! Как было бы здорово, если бы ты был рядом!

На этом письмо заканчиваю. Уже полночь, а мне надо еще написать несколько строк в дневнике. Так положено. Извини. Утром рано вставать. Люблю тебя и маму.

Твой отец, раб Божий Игорь.
31 мая 2008 года. Монастырь «Град Китеж».

Часть II
Цхинвальский суд

Глава 1
Игра в ножики

На улице разрушенного Цхинвала, прямо возле сожженного танка, играли дети. Они нарисовали на песке круг и втыкали в него перочинный ножик. Ножик был новенький, как будто только что из магазина. С красной ручкой и большим швейцарским крестом. Помимо лезвия, у ножика еще был штопор, маленькое шильце, ножницы и пилочка для ногтей. Десятилетнему Анвару этот ножик подарил рыжеволосый дядя в строгом сером костюме, прилетевший на большой винтокрылой машине. Рыжеволосого дядю возили по городу на бронетранспортере и показывали свежие могилы, вырытые прямо на газонах. Возле одной из таких могил он и увидел Анвара. Тот сидел на земле и плакал. Плакал от ощущения беспомощности и обиды, плакал оттого, что вчера грузинские снайперы убили его любимую бабушку и теперь у него больше никого не осталось. Ну если не считать соседей – дядю Ибрагима и тетю Валю, да их троих детей – Игоря, Машу и Анзора. Плакал оттого, что он был еще слишком маленьким, чтобы отомстить за бабушку и других своих родственников, и что, скорее всего, его тоже убьют, потому что грузинские снайперы теперь приходят не только каждую ночь, но и каждый день и стреляют во всех. Даже в таких малышей, как он.

Рыжеволосый вышел из бронетранспортера и, окруженный со всех сторон солдатами в бронежилетах и телерепортерами с камерами и микрофонами, подошел к мальчику и спросил, почему он плачет. Вернее, он что-то пробормотал на своем тарабарском языке, а стоявший рядом переводчик повторил эту же фразу уже по-русски.

Анвар ответил. Переводчик перевел. Рыжеволосый дядя поморщился, зацокал языком, снова что-то спросил. Переводчик повторил:

– А почему ты считаешь, что это был грузинский снайпер? Может быть, это был русский диверсант?

Анвар удивленно уставился на рыжеволосого. Он не понял вопроса. А кто еще, кроме грузина, мог здесь стрелять? Потом он улыбнулся. Наверное, дядя шутит. Только шутка была странная.

Анвар уверенно ответил:

– Нет, это был грузин. В развалинах мы нашли гильзы. Они от американской винтовки.

Анвар полез в карман и достал два бронзовых цилиндра. Они ярко вспыхнули на солнце. Телерепортеры застрекотали камерами, стараясь запечатлеть момент. Рыжеволосый улыбнулся широкой улыбкой и достал из кармана тот самый ножик. Переводчик перевел его слова:

– Мальчик, давай меняться. Мы тебе – ножик, а ты нам – гильзы.

Мальчик взял нож, покрутил его в руках. Нож был маленький и вряд ли мог ему пригодиться, тем более что в подвале, где он жил, у него был настоящий десантный нож с отвинчивающейся ручкой, в которой хранились леска, крючки и поплавки. Но ведь и гильзы ему были не нужны. Завтра утром, если удастся пережить ночь, он снова соберет их, сколько захочет. Анвар кивнул, соглашаясь на сделку. После того как гильзы перекочевали в руки переводчика, рыжеволосый тут же потерял к Анвару всякий интерес и вернулся в свой бронетранспортер. Еще не успела осесть пыль на мостовой, как из подвала разрушенного дома вылезла маленькая девочка и подбежала к Анвару.

– Кто это был? Защитник? Да?

Анвар сжал в кулаке ножик. Маленькая Маша уже всех достала своей историей, что очень скоро в их город приедет какой-то мифический Защитник и тогда наступит мир. Над ней смеялись, издевались, шутили, но она была упорна в своем мнении, что как только появится Защитник, так сразу прекратятся выстрелы. Анвар тоже, как все мальчишки, смеялся над маленькой девочкой, но сегодня ему не хотелось этого делать. Врать ей ему тоже не хотелось. Анвар тяжело вздохнул и ответил:

– Нет, Маша, это не Защитник. Просто дядя.

Он пожал плечами.

– Вот, – он показал ей перочинный ножик. – На гильзы поменял. От тех патронов, из которых бабушку убили.

Маша взяла ножик, покрутила его в руках и вернула назад:

– Н-да, это не нож Защитника. Так, фигня какая-то.

Потом сделала серьезное лицо и сказала:

– Ладно, пошли кушать. Мама чечевичный суп приготовила.

* * *

Пообедав, они теперь уже вчетвером – трое мальчишек и маленькая девочка – вылезли на улицу и стали играть в ножичек. Они втыкали его в начерченный на земле круг и толстыми ломтями нарезали себе куски этого круга. Кто ловчее воткнет, тот лучше линию проведет, кто лучше линию проведет, тот себе больший кусок круга заберет.

– Это моя земля! Нет, теперь уже моя. Была ваша, а стала наша!

Они играли в ножичек и так шумели, что только в последний момент обратили внимание на странный гул, доносящийся откуда-то с соседней улицы. Впрочем, в том, что они не обратили внимания, не было ничего удивительного. Ведь это был не грозный рык танка, бронетранспортера или грузовика и уж тем более не оглушительный грохот вертолета или бронированного штурмовика. Все эти звуки они хорошо знали, так как вслед за ними могла прийти смерть, и поэтому сразу бы на них отреагировали. С соседней улицы доносился совсем другой звук, тоже рычащий, но не страшный, а мягкий, стелющийся по земле, как будто урчит большая кошка. Нет, три больших кошки.

Как только детские уши смогли выделить этот странный гул из общего звукового фона, из-за угла разрушенной почты тут же появились три блестящих мотоцикла. Первым обратил на них внимание Анзор, самый младший из ребят. Он повернул голову на солнечного зайчика, отразившегося от фары одного из мотоциклов, и замер, открыв от удивления рот.

– Смотрите, – громко закричал он, придя в себя и указывая чумазым пальцем на пришельцев. – Кто это?

Все разом прекратили игру и повернули головы в ту сторону, в которую указывал их товарищ. Что за невидаль? Мотоциклы, как какие-то диковинные звери, натужно урча, крались в их сторону, старательно объезжая выбоины и колдобины на дороге. За рулем двухколесных коней сидели мужчины, закованные в черные кожаные одежды, как средневековые рыцари или, скорее, как монахи. Но ребята не знали ни что такое рыцарь, ни что такое монах. Они видели перед собой взрослых, а это уже могло быть опасным.

Не дожидаясь, пока мотоциклы доедут до них, мальчишки бросились бежать, оставив после себя лишь три облачка оседающей пыли.

Анвар, в два прыжка доскакав до развалившейся стены пятиэтажки, нырнул в пробоину от взрыва, вслед за ним юркнули Анзор и Игорь и тут же высунули головы наружу, чтобы посмотреть, что происходит. С ужасом они увидели, что возле недоделенного клочка земли, из которого торчала красная рукоятка ножа, осталась стоять Маша. Ее тоненькая фигурка бук-

вально просвечивалась насквозь лучами солнца, почти не оставляя тени на выжженной земле. Девочка, чуть склонив голову, смотрела на приближающихся людей.

Анвар толкнул локтем Игоря.

– Смотри, Машка, – прошептал он.

– Вижу, – кусая губы, ответил Игорь. – Она, наверное, не заметила, как мы убежали.

Игорь ударил кулаком о стену:

– Блин, что делать?

– Маша, беги, – прохрипел Анвар, вставая в полный рост в проломе стены, и замахал руками, привлекая к себе внимание. – Маша, беги сюда скорее!

Ветер донес до Маши голос Анвара, она обернулась, но никого не увидела. Игорь и Анзор успели схватить Анвара за плечи и повалили назад. Маша поискала глазами своих приятелей и снова повернула голову в сторону приближающихся незнакомцев. В этот момент большая черная тень, с каким-то хрустом и обдавая резким запахом, надвинулась на нее, закрыв собой солнечный свет.

– Ой! – невольно вырвалось у Маши.

Она попыталась повыше поднять глаза, чтобы понять, что за чудище стоит перед ней. Для этого ей пришлось сильно задрать голову и, удерживая равновесие, сделать шаг назад, а потом неуклюже плюхнуться попой на землю.

Только после болезненного приземления она наконец смогла увидеть лицо рыжебородого великана, который навис над ней черным утесом. Его голубые глаза светились добротой и располагали к себе, поэтому Маша совсем не испугалась. Она так сильно ударилась о землю, что глаза ее невольно наполнились влагой.

Пытаясь остановить набегавшую волну слез, она провела грязной ладонью по мордашке прямо под носом, и на щеках остались смешные серые разводы. Великан не удержался и захохотал, а вслед за ним засмеялись его товарищи. Маша насупилась и, стараясь подражать взрослым, пробасила:

– Ну, что ржете, как сивые мерины, девочек маленьких никогда не видели? – чем вызвала у великанов новый приступ гогота. Отсмеявшись, старший из них, тот, чье лицо украшала большая рыжая борода, слез со своего железного коня и помог Маше подняться.

– Ладно, не обижайся, – сказал он. – Мы не со зла над тобой смеялись. По-доброму. Не обижаешься? – спросил он, пальцем стирая пыльные разводы с лица девочки.

– Не-а, – Маша мотнула головой.

– Вот и славно, – продолжил великан, протягивая ей руку. – Тогда давай знакомиться. Тебя как зовут?

– Маша, – ответила Маша, вкладывая свою ладошку в его руку, и тут же сказала: – А я знаю, кто ты.

– И кто же я? – спросил бородач, удивленно поднимая брови.

– Ты – мой Защитник.

В словах девочки не было ни тени сомнения, и это заставило мужчин переглянуться.

– Угадала? – переспросила девочка.

Мужчина посмотрел на нее пристально-пристально, как будто хотел заглянуть ей в душу. Маша топнула ногой и дернула его за руку:

– Ну, что молчишь? Угадала?

Мужчина подхватил девочку на руки и, прижимая к груди, вдохнул запах ее волос.

– Ах ты, моя маленькая, – наконец вымолвил бородач и, посмотрев на своих товарищей, сказал: – Ну вот я и добрался до своего места, ребята. Что скажете?

Те кивнули в знак согласия. Потом бородач погладил Машу по голове и сказал:

– Угадала, маленькая. Конечно, угадала. А где твои близкие?

Маша облегченно вздохнула, улыбнулась, удобно уселась на его локте и уверенно ткнула пальцем в сторону развалин на противоположной стороне улицы.

– Там мои дядя и тетя, – пискнула она, – а мамку и папку снайпер на прошлой неделе убил. Он уже почти всех на этой улице убил. Ты его накажешь? Да?

Потом она повернулась в сторону развалин, за которыми спрятались мальчишки, и закричала, размахивая руками, как ветряная мельница:

– Эй, ребята, хватит прятаться! Идите сюда! Это мой Защитник приехал. Как я и говорила. Вылезайте. Посмотрите, какой он большой! Просто огромный!

Мужчины невольно заулыбались и, повернувшись в сторону развалин, увидели, как в проломе стены сначала появилась одна детская головка, потом другая и третья. Потом ребята осторожно перелезли через завал и, загребая ногами пыль, направились в их сторону.

– Ух ты, сколько вас! – засмеялся тот, кого назвали Защитником. – Целое войско. Ну, что же вы, мужчины?! Убежали, а принцессу свою бросили!

– Да какая она принцесса, – подал голос Анвар. – Девчонка сопливая!

И, пытаясь взять инициативу в свои руки, прикрикнул на Машу:

– Ну что ты к чужому дядьке прилипла! Не стыдно? Давай слезай. Мало ли что.

Пытаясь найти поддержку среди своих товарищей, он посмотрел через плечо на приятелей и тут же понял, что находится в меньшинстве. Игорь и Анзор во все глаза рассматривали стоящие перед ними блестящие мотоциклы и их владельцев и с явной завистью кидали косые взгляды на свою младшую сестру.

Анвар насупил брови и сжал кулаки, явно намереваясь броситься на предателей, но не успел, потому что рыжебородый подмигнул ему и кивнул.

– Ну, хватит стоять и хмуриться, – проговорил богатырь и протянул Анвару его ножик. – Это, кажется, твой?

Анвар от удивления открыл рот. Откуда он узнал? Но богатырь тем временем продолжал:

– Не бойся! Не обидим мы твою сестру, давай залезай на заднее сиденье, прокачу тебя до дома!

– А нас? – разом закричали Игорь и Анзор.

– И вас, конечно, – заулыбался рыжебородый. – Давайте, прыгайте за спины к моим братьям!

Уговаривать мальчишек не пришлось. Уже через секунду Игорь забрался за спину молодому парню со светлой шевелюрой и принялся примерять кожаный шлем танкиста, а Анзор забрался на мотоцикл к усатому черноволосому крепышу и не отказался, когда тот надел ему на голову свой летный шлем. Анвару ничего не оставалось делать. Чтобы не отстать от своих товарищей, ему пришлось забыть про всякое недоверие к чужим людям и, вскочив на заднее сиденье блестящего железного коня, прижаться к спине рыжебородого. Почти сразу он не без удовольствия втянул носом терпкий запах кожаной куртки, который напомнил ему об очень близком, но теперь уже далеком и недоступном. Точно так же пахла куртка его отца, водителя-дальнобойщика, до того как его вытащили из сгоревшего камаза. Грузовик вез гуманитарный груз в разбомбленный город на берегу моря, но налетел на фугасную мину. От жалости к себе у мальчика на глаза навернулись слезы. Он был рад, что сидит сзади и никто не видит этих слез. На всякий случай Анвар посильнее прижался носом к спине рыжебородого и, повернув голову, стал с улыбкой наблюдать, как пацаны пытаются удержать у себя на головах кожаные шлемы братьев. Шлемы были гораздо больше, чем головы мальчишек, и поэтому никак не хотели спокойно сидеть на макушках и то и дело сползали то на нос, то на затылок.

* * *

Дом, на который указала девочка и к которому, урча моторами и объезжая остов сгоревшего танка, покатила группа из трех мужчин и четырех детишек, издали казался самой обыкновенной пятиэтажкой.

Уютной, обжитой, нарядной. Со стенами, выкрашенными в желтый цвет, с застекленными балконами, плоской крышей, утыканной телевизионными антеннами и спутниковыми тарелкам, и с гостеприимно распахнутыми дверями подъездов. И только подъезжая ближе можно было разглядеть, что дом на самом деле – мираж.

Мираж прошлой мирной жизни. Возле подъездов не сидели всевидящие старушки, глубокие выбоины от осколков и пуль портили внешний вид стен и казались морщинами и оспинами на усталом лице. В двух или трех местах окна зияли пустыми черными глазницами, а в середине дома виднелась закопченная дыра от бронебойного снаряда, на краю которой болтался обгоревший обломок деревянного балконного каркаса. Но самое большое удивление ждало всякого, кто входил в подъезд. За дверью зияла пустота. Черная и леденящая, как полярная ночь. После артобстрела от дома остались только три стены и крыша. И из-за этого все квартиры в нем выглядели, как будто в каком-то игрушечном домике, внутрь которого можно было заглянуть с обратной стороны. В них было все, что нужно для жизни: кровати, ковры на полу, зеркала, телевизоры, радиоприемники, душ, ванные, но… не было стены. Всего одной стены. И поэтому в доме не было жизни.

– Куда дальше, – спросил рыжий бородач, ступая по битому стеклу и хмуро осматриваясь по сторонам. – Кто дорогу покажет?

– Вниз, – ткнул пальцем Анзор, – в подвал. Идите за мной. Я покажу.

Он шагнул вперед и повел за собой гостей.

* * *

Делегация, оставив мотоциклы у разбитого подъезда под охраной мальчишек, спустилась по узкой пыльной лестнице в подвал и вошла в темный коридор, увитый трубами канализации. Впереди идущий повел носом, рассчитывая уловить запах жилья, но даже его чуткий нос смог почувствовать только запах гнилья и затхлости. Он провел широкой ладонью по волосам девочки:

– Ну, куда идти дальше? Показывай.

Девочка бойко заговорила:

– Идите за мной, не бойтесь. Здесь недалеко. Сейчас тетя вас накормит.

И действительно, шагов через десять они подошли к нише с левой стороны коридора, которая была занавешена солдатским одеялом. Девочка прошмыгнула под него, почти не задев, а мужчинам пришлось откинуть полог, чтобы пройти внутрь.

– Мир добрым людям! – басом проговорил старший. – Разрешите войти?

И протянул открытую ладонь поднявшемуся навстречу ему совершенно седому мужчине в меховой безрукавной тужурке.

Это было довольно просторное помещение, в котором, судя по всему, люди жили уже достаточно давно. Комната выглядела обжитой и даже в чем-то уютной, если такое сравнение могло быть в данном случае уместным. Передняя часть помещения освещалась керосиновой лампой. Тут же спереди, ближе к выходу, находилась импровизированная кухня: стол, несколько ящиков вместо стульев, вдоль противоположной от кухни стены стояли шкафы с книгами. Помимо людей в комнате – лучше всего ее было бы назвать пещерой – находилась собака неизвестной породы, которая сначала недобро зарычала, а потом, почувствовав, что

гости не несут никакой опасности, завиляла хвостом и начала крутиться под ногами, заглядывая в лица своими черными глазами-бусинами, явно выпрашивая подачки.

Потолок оказался таким низким, что всем троим богатырям, даже самому низкому из них, пришлось стоять наклонившись. Мужчина, шагнувший им навстречу, тоже был достаточно высок, правда, гораздо суше и уже в плечах, и тоже не смог полностью выпрямиться, упершись в потолок затылком. Он был в очках с толстыми стеклами, которые все время поправлял. Встретившись взглядом с рыжебородым, он ничего не сказал, изучая нежданных гостей.

– Папа, мама, – нарушая нависшую вдруг тишину, затараторила Маша и дернула отца за руку. – Не бойтесь. Это он, это мой Защитник! Помните, я вам про него говорила? Я знала, что он придет. Вот он и пришел.

Услышав слова девочки, мужчина и женщина переглянулись. Мужчина, отец девочки, покосился на нее и нехотя ответил на приветствие гостей:

– Ну что ж, входите, если с миром пришли, – и, повернувшись к жене, которая возилась возле газовой горелки, приказал: – Накорми гостей.

Потом указал рукой на деревянные ящики:

– Садитесь, в ногах правды нет.

Богатыри с опаской посмотрели на хлипкие конструкции, и один из них, тот, кто был ниже всех ростом, даже пошатал один из ящиков рукой. Тот жалобно заскрипел.

– Садитесь, – повторил хозяин. – Все равно сидеть больше не на чем. Впрочем, можете на полу. Или прямо на матрасы.

В углу комнаты лежало несколько полосатых матрасов, покрытых солдатскими одеялами.

– Да, – ответил за всех старший. – Мы лучше на них.

И первым опустился на пол, по-турецки скрестив ноги. Было видно, что так сидеть ему было явно не впервой. Хозяйка – это была мать девочки – ловко поставила на стол шкворчащую яичницей сковородку.

– Угощайтесь!

– Благодарствуем.

Старший кивнул среднему, и тот, достав из-за плеча рюкзак, раскрыл его и выложил на стол несколько банок с тушенкой.

– Думаю, никто не будет против, – обращаясь в первую очередь к хозяевам, произнес старший.

Предложение было принято с благодарностью. Хозяйка быстро открыла одну банку консервным ножом и снова отвернулась к газовой горелке, ставя на нее закопченный чайник и давая возможность мужчинам поговорить. Девочка, подражая матери, тоже отошла к горелке, но при этом не отпускала взглядом старшего богатыря. Она смотрела на него так пристально и так по-детски открыто, что женщине даже пришлось взять ее за плечи и отвернуть в сторону.

Перекусив и похвалив кулинарное искусство хозяйки, мужчины приняли более непринужденные позы, и отец девочки начал задавать вопросы. Отвечал за всех старший.

– Каким ветром занесло вас в наши края? Случайно или по делам?

– Можно сказать и так. Сначала думали, случайно, а потом вроде как бы и по делам.

Хозяин кивнул, принимая ответ, и продолжал:

– Вид у вас какой-то странный. Не пойму что-то. Вроде бы как монахи одеты, в черное, но вроде и не монахи, в коже. Вы что, из секты какой? Проповедовать сюда приехали?

Старший усмехнулся:

– Кому здесь проповедовать? Да и что? Нет, мы здесь не за этим.

– Тогда зачем?

– Ну, ваша девочка вам все правильно объяснила. Я – Защитник, а это мои помощники, послухи.

На сухом небритом лице хозяина, в бороде которого уже проглядывали седые волосы, появилась сдержанная улыбка:

– Люди вы вроде серьезные, а говорите странные вещи. Да как вы будете нас защищать и, самое главное, чем? У вас ведь и оружия никакого нет.

Теперь улыбка появилась на лице богатыря:

– Расскажу непременно. Только прежде разрешите и мне вас спросить, уважаемый…

– Ибрагим Ашотович, – уточнил хозяин подвала.

– Очень приятно, Ибрагим Ашотович. Меня, кстати, Данилой зовут, а по батюшке Александровичем. Товарищи мои – Илья и Алексей.

Все церемонно, чуть приподнявшись со своих мест, пожали друг другу руки, и Данила продолжил:

– Так я все же спрошу. Почему вы, Ибрагим Ашотович, живете здесь и не уезжаете? Что вас здесь держит?

У хозяина дернулась щека. Он недобро посмотрел на Данилу, потом покосился на жену и нехотя выдавил:

– Я не могу уехать.

– У вас нет денег? Вам некуда ехать? – переспросил богатырь.

– Не в этом дело, – снова неохотно ответил отец девочки.

– Тогда в чем?

Ибрагим Ашотович хлопнул себя по коленкам, неискренне улыбнулся и встал.

– Что-то заболтался я с вами, а тем временем мне надо идти. Вы располагайтесь тут, как вам удобно. Жена вам поможет, а я скоро буду. – С этими словам он снял с книжной полки старый потертый портфель, надел кожаную куртку и вышел из пещеры, пробормотав, не обращаясь ни к кому конкретно: – Извините, мне надо идти.

* * *

В полутемном помещении нависла неуютная тишина, которую очень быстро и деликатно разрядила Валентина, жена Ибрагима, тихая женщина с изможденным лицом и добрым взглядом. Как будто специально, у нее на газовой горелке в бронзовой турке закипел кофе, который она тут же разлила по пластмассовым разномастным чашкам и сунула их в руки мужчинам, сидящим на матрасах со скрещенными ногами. Досталась одна маленькая чашка и девочке.

– Пейте, – сказала хозяйка. – Если кто хочет с сахаром, скажите. Дам.

Данила обхватил своими огромными руками кружку и заглянул внутрь с таким видом, будто именно там находились ответы на все самые сокровенные вопросы вселенной. Сделал глоток и обратился с вопросом к женщине:

– Может быть, скажете, почему вы не уходите? Ведь у вас дети, их надо кормить.

Валентина тяжело вздохнула:

– Муж сказал, мы не можем уехать, а в нашей семье такие вопросы решает он.

Данила понимающе кивнул:

– А куда он сейчас пошел? Можете сказать?

– Могу. Это не секрет. На работу.

– Так поздно?

– Да, может и задержаться до утра.

– И где он работает?

– Он хранитель в местном краеведческом музее.

– Ах, вот оно даже как?

Данила выразительно посмотрел на своих товарищей. Те понимающе закивали головами.

– Хранитель, значит, говорите.

Богатырь снова заглянул вглубь кружки, улыбнулся своему отражению и подмигнул ему.

– И не уезжаете? Ну что ж. Каждый должен делать свое дело! А мы будем делать свое.

Он поставил кружку на пол рядом с собой и обратился к своим спутникам:

– Так, братья?

– Так, брат! – ответили они и закончили фразу: – И пусть Суд Божий свершится!

Женщина вздрогнула и еще пристальнее посмотрела на своих гостей, но те уже не обращали на нее внимания, доставая из рюкзаков какие-то приборы, ноутбук и… спутниковую антенну.

* * *

На блокпосту номер семь объединенной группировки ООН два солдата – сержант и рядовой, в голубых касках и тяжелых бронежилетах, закрывающих шею, в полной боевой амуниции – рассматривали в бинокли раскинувшийся под ногами разрушенный город. У них было задание контролировать любое движение лишь в старой части города, возле центральной площади, рынка и Главпочтамта, но мощные окуляры и господствующее положение (блокпост занимал стратегически важную высоту) позволяли видеть каждую улочку, каждый дом и выбоину от снарядов ракетной системы «Град» на пустой приморской набережной даже в тех секторах, которые входили в зону ответственности соседних блокпостов.

Как только в их поле зрения попали три мотоциклиста, сержант Джон Маккенрой ткнул своего напарника локтем и спросил:

– Как ты думаешь, соседи наши уже доложили о них в штаб?

Рядовой Фил Колибри, не отрываясь от бинокля, смачно сплюнул на бетонный пол:

– Наверняка.

И добавил:

– Эх, хороши тачки!

Он подышал на стеклышки и протер их рукавом:

– Не разгляжу, что за модели. Похожи на «Харли-Дэвидсон», но вроде не они. Да и откуда в этой дыре «Харлей»?

Пока Фил разговаривал сам с собой, Маккенрой снял трубку радиотелефона:

– Тем не менее нам тоже надо это сделать.

В штабе уже ждали его звонка и, выслушав доклад, тут же отдали приказ продолжать наблюдение именно за этими объектами, не отвлекаясь на другие и ставя в известность командование о любых изменениях маршрута троицы, а также о контактах с местными жителями, если таковые будут. Джон и Фил с радостью принялись выполнять приказ. Наблюдать за пустыми улицами, на которых изредка появлялись какие-то полутени-полулюди, было не очень-то интересно, а тут такая экзотика. Целых три новеньких блестящих мотоцикла! Естественно, они тут же доложили и о том, что мотоциклисты вошли в контакт с группой детей, и что трое мужчин в сопровождении маленькой девочки скрылись в подвале полуразрушенного дома, где проживала семья сумасшедшего хранителя музея, и что хранитель вышел из своего подвала и направился в сторону центральной площади.

Из штаба тут же переспросили:

– У хранителя есть что-нибудь в руках?

– Старый портфель.

– И все?

– Да.

– Портфель пустой?

– Судя по объему и по той легкости, с которой он его несет, – да.

– Ну, тогда продолжайте наблюдение за мотоциклистами.

– Йес, сэр.

Маккенрой положил трубку и приказал Колибри:

– Не отвлекайся на старика. Наша тема – байкеры. Интересно, откуда они тут взялись?

Фил, не отрываясь от бинокля, поддержал разговор:

– Не знаю. А мне, к примеру, больше интересно, что здесь делает этот старик, почему не уезжает из этого мертвого города, как большая часть других жителей. Вот ты как думаешь, Джон? Ведь они с голоду пухли. Если бы не гуманитарная помощь, давно бы померли.

Маккенрой пожал плечами:

– Не знаю. Мы как-то ходили в патруль по городу. И я встречался с этим сумасшедшим. Даже разговаривал. Он сказал, что здесь родился – здесь и умрет. И не собирается уходить со своей земли из-за каких-то лари.

– Лари – это кто?

– Он так грузин называет.

– А-а-а! А вот ребята поговаривают, что он успел до бомбежки спрятать где-то в горах сокровища музея и теперь их охраняет.

Джон захохотал:

– Да какие тут сокровища?! Один хлам, не стоящий и трех долларов на рождественской распродаже. Нет, это все сказки.

– Не знаю, может, и не сказки. Я как-то стоял в карауле в штабе и слышал телефонный разговор нашего полковника с кем-то из Вашингтона. Они вели беседу о каком-то Золотом руне… Не знаю точно, что это такое, никогда не слышал, но, как я понял из разговора, сюда еще до нас за ним присылалась специальная экспедиция. Я даже название корабля запомнил – «Арго».

– И что?

Фил собирался было уже ответить, но в этот момент в зоне их ответственности произошло нечто, что заставило их забыть о разговоре. Время близилось к вечеру. Небо было покрыто редкими облаками, сквозь которые пробивались лучи заходящего солнца. Ничто не предвещало никакого ненастья. И вдруг! Сначала раздался раскат грома, потом что-то сверкнуло. Как молния. Яркая и ослепительная. И тут же над городом вспыхнул белый свет, похожий на всполохи северного сияния. Фил и Джон зажмурились на несколько секунд, но скорее от неожиданности, потом открыли глаза и поняли, что свет на самом деле очень приятный. Он стал рассеиваться, как туман, и вместо света на чистом сумеречном небе стали проступать буквы. Буквы складывались в слова, слова – в предложения, а предложения… Предложения превращались в текст, написанный на каком-то непонятном языке.

– Что это, Джон? – еле слышно прошептал Фил. – Ты тоже видишь?

– Черт возьми, – огрызнулся Джон. – Да это сейчас все видят.

Раздался звонок. Джон снял трубку:

– Слушаю, сэр… Да, наблюдаем! Есть, есть. Так точно!

Джон положил трубку и взялся за ствол автомата. Не глядя на Фила, он пересказал ему то, что услышал по телефону.

– Ну что, старик, влипли? Да?

Джон сплюнул себе под ноги.

– Пошли… Нам приказано немедленно найти источник излучения и прекратить трансляцию.

– Да ну… Почему мы? У нас смена через полчаса заканчивается. И вообще, это же не наше дело. Пусть вызывают специалистов.

– Фил, откуда я знаю, почему? Наверное, наш блокпост ближе всего к этому чертову источнику излучения. Да какая разница! Начальству виднее, и вообще, разве ты забыл? Мы служим в армии Соединенных Штатов. И здесь приказы не обсуждают. Пошли!

С этими словами он выбрался на бетонный бруствер и зашагал по прямой дороге, распугивая кузнечиков, вниз, в город, и пыль приморской степи, поднимаясь при каждом его шаге, оседала на толстую добротную кожу натовских ботинок.

* * *

Ибрагим Султанов шел, широко шагая и не глядя по сторонам. Он ходил этой дорогой уже не один раз. Даже страшные разрушения, которые до неузнаваемости изуродовали улицу, не мешали ему идти строго выверенным маршрутом, практически не думая. «Девяносто девять шагов до перекрестка. Потом на зеленый свет перейти улицу… Впрочем, сейчас давно нет никакого света – ни зеленого, ни желтого, ни красного. Ну и что! Просто переходим улицу… Сейчас уже вечер, поэтому относительно безопасно. Снайперов наверняка нет.

Нет? О чем я говорю? Почему нет? С чего это я решил? Ведь именно вчера убили почтенную Митридат, бабку Анвара. И убили именно днем, как только она вышла посидеть на лавочке. Вчера? А мне казалось, что прошла уже целая вечность! Да, теперь эти подонки с эмблемами “Черных охотников” – олень в перекрестии прицела – начали и днем отстреливать людей. Просачиваются как-то сквозь ооновские кордоны и…»

Чувство самосохранения заставило его глубже втянуть голову в плечи. «О господи, я всего лишь перехожу улицу, а мне кажется, что я иду на эшафот! Ну вот, открытое пространство преодолено. Теперь направо и до аптеки. Это еще пятьдесят шагов. Пустые глазницы витрин, баррикады. За что нам такое наказание? Где же люди? Неужели все ушли! Ну нет, не может быть… Вчера “голубые каски” говорили, что видели еще несколько семей в рабочей части города и на Приморском бульваре… Интересно, кто это? Может, знакомые?

Надо будет сходить завтра на бульвар, узнать. Вот и аптека. За аптекой арка, через нее – двор.

Когда-то он весь был завешан свежевыстиранными простынями, а теперь совсем пустой. Лестницы на этажи нет. Она сгорела, поэтому приходится карабкаться по карнизу. Левая нога – на один карниз, правая рука цепляется за верхний край окна первого этажа, затем нога ставится в проем форточки. Рывок – второй этаж. И снова та же операция, потом – на третьем этаже. Быстро… Привычно… Если ты здоров и полон сил.

А если ты инвалид-колясочник? Как отсюда выбраться? Никак!»

Султанов прошел, балансируя, как опытный канатоходец, по узкой доске, брошенной через провал в полу, подошел к двери. Толкнул ее. Она была не заперта и со скрипом открылась. Вошел внутрь. В комнате царил полумрак.

– Ибрагим, это ты? – раздался голос из темноты.

– Да, Аполлинарий Владиленович, я.

– Проходи, я на кухне. Работаю.

Султанов пошел по длинному коридору на голос и вскоре вошел в комнату, которую голос из темноты называл кухней. Может быть, когда-то и было так, но сейчас от кухни остались только стол, водопроводный кран, торчащий прямо из стены, и газовая горелка на полу, на которой стоял чайник. Свет попадал в комнату через большое окно без стекла. Роль стекла выполняла фанера. Возле стола лицом к окну сидел человек в инвалидной коляске и что-то писал в большую толстую тетрадь карандашом.

– Ибрагим, – проговорил он, не поворачивая головы, – подожди меня. Сейчас допишу. Ловлю последние лучи солнечного света. После захода писать практически невозможно. Темно. А включать керосиновую лампу боюсь. Хорошая мишень для снайперов. Ты пока сооруди нам чайку. Газовую горелку видишь, ну а где все остальное – тоже знаешь.

Султанов переспросил:

– Чай здесь будем пить или в гостиной?

– Давай здесь.

Султанов кивнул в знак согласия больше по инерции и, повернувшись, вышел из комнаты. Он снова прошел по коридору и уперся в дверь кладовой. Скорее, это был большой шкаф, встроенный в стену. Внутри было пять или шесть полочек, на которых стояло много-много металлических, плотно закрытых ящиков с крупными надписями по бокам: «чай», «кофе», «сахар», «соль», «сухари», «гречка», «рис». Чуть ниже располагались металлические бидоны: «подсолнечное масло», «вино», «спирт», «питьевая вода». На самом верху снова металлические короба: «сухая рыба», «вяленое мясо», «консервы». В самом низу, практически на полу, стояли консервированные соленья: огурцы, помидоры, варенья, джемы.

Султанов привычным взглядом окинул весь этот склад, снял с полки банки с чаем, сахаром и сухарями и громко крикнул через плечо:

– Варенье будете?

– Давай, тащи!

Достал с нижней полки небольшую банку с вишневым вареньем. Закрыл кладовую. Отнес все это к горелке. Потом совершил еще один поход в гостиную до серванта, откуда взял две большие чашки с блюдцами и маленькие ложки. Вернулся и включил газ. Подставил чайник под кран. Открыл вентиль. Из крана потекла тоненькая струйка воды.

– Удивительно, водопровод до сих пор работает.

– Ничего удивительно, мой друг, – ответил Аполлинарий Владиленович Белковский, бывший школьный учитель Султанова. – Я давно тебе говорил, что наш водопровод построен как продолжение акведуков, которые возводили еще древние колхидиане. И вода в него поступает с гор по естественным каналам, так что разрушить его практически невозможно.

Султанов покачал головой, не соглашаясь, но промолчал. Налил чайник, поставил его на газ. Сел прямо на пол.

– В другой раз я бы с вами начал спорить, но сегодня не хочу.

– Чего так?

– Кажется, они пришли.

– Кто?

– Те, кого Мария называет Защитниками.

Ибрагим Ашотович не мог видеть, как человек в инвалидной коляске улыбнулся, но он знал это. Человек в коляске не мог не улыбаться. Ведь слова Султанова означали, что он был прав в их долгом и, как ему казалось, бессмысленном споре. И Белковский действительно улыбнулся, но только слегка. Улыбка тенью скользнула по его лицу и снова исчезла за густыми сдвинутыми бровями ученого-исследователя и в складках плотно сжатых губ, которые разжались, чтобы осторожно спросить:

– И как ты понял, что это они?

– Они сами об этом сказали.

– Это хорошо.

Губы снова сомкнулись. Стали тонкими, еле заметными.

– Но только я все равно не понимаю, – воскликнул Султанов. – Как они могут помочь нам? Как они могут остановить конфликт? Ведь против них действуют такие страшные силы, такие организации, международные корпорации с огромным опытом, с безграничными возможностями. У них в руках целые армии, все СМИ под колпаком. О господи, эти СМИ! Слышали бы вы, что они говорят о нас в этом ящике, а у этих клоунов даже нет никакого оружия…

Султанов в сердцах махнул рукой, потом замолчал, подбирая слова, и наконец выдавил:

– Ведь действительно, одеты они, как клоуны какие-то! В черных кожаных штанах и старинных шлемах. Причем каких? Один – в танкистском, а другой – летном времен Великой Отечественной. А их мотоциклы! Они ревут, как дикие звери. Их слышно за версту. Нет, в это трудно поверить…

Ибрагим Ашотович замотал головой, отгоняя дурные мысли, поэтому не сразу понял смысл фразы, которую произнес Белковский:

– Просто поразительно, как иногда священные писания бывают точны в своих пророчествах и в то же время не точны в деталях!

– Что, – переспросил его хранитель музея, – что вы сказали?

– Да я все о том же, Ибрагим, – ответил Аполлинарий Владиленович, – о старинных текстах. Ты, надеюсь, не забыл, что я все-таки добрую половину своей жизни провел за изучением древних текстов и не раз говорил тебе, что степень угадывания событий в них, если, конечно, читать под определенным углом зрения, очень и очень высока.

Чайник закипел. Ибрагим с улыбкой разлил кипяток по чашкам.

– А, вы о Библии. Насколько я помню, всадников должно было быть четверо.

– Видишь, еще одна ошибка.

Султанов покачал головой:

– Честно говоря, я всегда относился к вашей теории скептически, но, наверное, это из-за того, что я не умею читать тексты под тем углом зрения, о котором вы говорите. Мне остается только поверить, ведь вы уже не раз доказывали свои слова.

Угол зрения был старой и доброй прелюдией к длинному разговору о прошлом, будущем и настоящем, за которым они часто в последнее время коротали быструю южную ночь. Если беседа затягивалась надолго, то Ибрагим предпочитал не возвращаться ночью домой – это было опасно, – а оставался ночевать у своего школьного учителя. Вот и сейчас, солнце уже практически сошло с небосклона, и они оба уже поняли, что проведут эту ночь за разговорами и уснут только под утро.

* * *

Старый учитель бросил заинтересованный взгляд в окно:

– Не находишь, Ибрагим, что сегодня даже закат какой-то странный? Вот уже пятнадцать минут свет в окне не меняет своего оттенка.

Хранитель, прихлебывая чай из блюдечка, ответил:

– Да, действительно.

Он встал и, скрипя половицами, подошел к окну и выглянул, соблюдая все меры предосторожности. То, что он увидел, заставило его отшатнуться и присесть, схватившись руками за куртку.

– Этого не может быть! – прошептал он, щупая подкладку куртки. – Этого просто не может быть! – повторил он несколько раз. И повторял до тех пор, пока Белковский не преодолел на своей коляске расстояние до окна и тоже не выглянул.

Он увидел то же самое, что и Султанов, и два натовских солдата, посланные в город, и все остальные жители разрушенного приморского города, и офицеры штаба объединенных сил, и грузинские снайперы, крадущиеся в ночи, и тот, кого все называли Черным охотником, и даже моряки с проходящего в море рыболовного траулера… Свет, странное ровное свечение над темным городом, в котором легко читались строки короткого текста на неизвестном языке.

И Белковский, наверное, был единственным среди всех, кто не открыл от удивления рот, а преспокойно взял в руки карандаш и стал перерисовывать буквы текста себе в блокнот, стараясь сохранить все особенности письма и вязи шрифта.

– Что тебя удивляет, Ибрагим? – прервал он возгласы хранителя, поправляя очки на носу с горбинкой. – Ты не мог бы мне объяснить?

– Да-да, конечно, – ответил Султанов. Он, наконец, успокоился. – Только давайте отойдем от окна.

Он сделал шаг вглубь комнаты:

– Не то что свет слишком уж яркий. Просто все равно не стоит забывать о безопасности. Мы ведь все еще в зоне конфликта как-никак. Не ровен час поймаем пулю в лоб.

Они отошли от окна и снова уселись возле горелки.

– Так что же тебя удивляет? – повторил Белковский уже без привычного «Ибрагим», тем самым давая понять, что держит нить разговора в руках и не позволит собеседнику вильнуть в сторону.

Султанов опустил голову и продолжал машинально потирать рукой подкладку своей куртки.

– Текст, – наконец выговорил он. – Текст на небе точно такой же, что и на Золотом руне. И светится он точно так же, как и тогда в пещере, куда я спустился, оставив вас со сломанным позвоночником на том каменном уступе. Помните?

– Как я могу забыть это, Ибрагим! – в словах учителя проскочили грустные нотки. – Слишком большую цену мы тогда заплатили, чтобы увидеть это.

Он крутанул колеса инвалидной коляски и выехал из кухни. Отсутствовал недолго, а когда вернулся, держал в руках мензурку с жидкостью. Мензурка была закупорена пробкой. Апполинарий Владиленович открыл мензурку, и по комнате тут же поплыл пьянящий запах спирта.

– Вот, специально берег. На всякий случай, раны обрабатывать, но, думаю, сейчас стоит выпить по чуть-чуть. Ребят помянуть. Давай, подставляй.

Он плеснул несколько капель в кружку сначала Ибрагиму, потом себе.

– Сколько нам тогда было? Тебе только пятнадцать, мне двадцать пять, а Сашке и Кольке по четырнадцать.

– Да, – Султанов принялся согревать спирт в руках. – Мы были совсем зеленые и неподготовленные. Ну кто мог предположить, что пещера окажется такой глубокой.

– Это была моя вина, – вздохнул Белковский. – Я должен был все предусмотреть.

Они выпили не чокаясь. Потом Апполинарий Владиленович продолжил:

– Знаешь, сколько раз я хотел после этого свести счеты с жизнью? Миллион раз, сто миллионов, но…

Он помолчал и произнес:

– Не мог я умереть, не расшифровав эту надпись. Иначе все было бы напрасно.

– Да, но мы ведь так и не знаем, что написано в тексте?

Учитель удивленно поднял глаза:

– А ты разве не догадался? Что еще могло быть написано на Золотом руне, самом древнем на Земле манускрипте, сделанном из металла, способного пережить столетия? Конечно, только правила Суда Божьего.

Апокалипсис – это не Страшный суд, а Суд Божий. Страшный он для тех, кто нарушает законы Бога.

Защитники же – те, кто будет стоять на стороне Бога. За Бога, за Истину. И защищать нас, по-настоящему защищать… Они-то нам и прочитают правила, согласно, так сказать, регламенту, и исполнят все до последнего пункта. И в том, что это так будет, я не сомневаюсь! Теперь уже недолго ждать.

Он подмигнул собеседнику и воскликнул:

– Да-да! Защитники – это те самые Всадники Апокалипсиса. И не смотри на меня так…

* * *

Советник по делам национальностей при Организации Объединенных Наций Гарри Кисенгер заметно нервничал, сидя перед микрофонами в пресс-центре объединенной группировки сил быстрого реагирования.

Из зала в него целилась сотня фотоаппаратов и видеокамер. Столько же журналистов, съехавшихся сюда со всех концов света, ждали, когда же он начнет пресс-конференцию, что называется, по итогам дня. Сам же Кисенгер ждал своего секретаря, который никак не мог получить на пресс-релиз визу из военного министерства. Журналисты же откровенно скучали, понимая, что информация, которой собирается сейчас поделиться Гарри, будет до предела вылизана и подчищена военными цензорами, но таковы были правила игры, и надо было их соблюдать. Наконец секретарь появился. Он бесшумно откинул полог задней двери огромной военной палатки и, подойдя к Кисенгеру, положил перед ним листок пресс-релиза и шепнул на ухо:

– Все нормально. Можно начинать!

Гарри тут же натянул на лицо привычную улыбку, расправил плечи и гордо осмотрел журналистов:

– Ну что, господа, приступим!

Он еще раз кинул взгляд в зал.

– В общем, сегодня все будет как всегда. Сейчас я зачитаю вам официальное сообщение, потом покажу небольшой видеофильм о моем сегодняшнем визите в зону конфликта, естественно, с личными комментариями. Ну, а потом отвечу на ваши вопросы. Естественно, все материалы вы сможете скачать с нашего сайта.

Он посмотрел в зал:

– Всех устраивает такой регламент?

И, не дожидаясь ответа, пошутил:

– Естественно, чем раньше мы закончим, тем быстрее начнется фуршет. Насколько мне известно, сегодня наш повар Ли в ударе и приготовил что-то сногсшибательное. Да еще и футбол сегодня. Чемпионат Европы. Албания против Ботсваны. Полуфинал. Сами понимаете.

– Скажите, – раздался вдруг голос из дальней части зала. – А почему вы берете в зону конфликта не всех журналистов, а лишь избранных?

Кисенгер поморщился:

– Господа, мы же договорились. Сначала вопросы по регламенту, а в конце по существу дела. И потом, давайте называть себя. Я попрошу встать того, кто задал этот вопрос.

С галерки поднялась молоденькая девушка в одежде из защитного материала, с холщовой сумкой через плечо.

– Это я спросила. Анна Сирош, интернет-издание «Свободная Колхида».

Кисенгер посмотрел на секретаря, давая понять, что он недоволен, и попытался отшутиться:

– Ну, такое солидное издание имеет право на нарушение регламента. Как вас зовут? Еще раз скажите, простите.

– Анна Сирош, – девушка покраснела. Правда, больше от злости, чем от стыда. Хотела сказать еще что-то, но промолчала. Гарри Кисенгер смерил ее презрительно-назидательным взглядом и кивнул помощнику, намекая, чтобы тот взял ее на заметку. Потом склонил голову набок, оценивающе осмотрел фигурку девушки и сказал:

– Так вот, Анна, наверное, вы слишком много спали. Насколько мне известно, все журналисты, которые своевременно и в соответствии с правилами подали заявки на поездку, были сегодня вместе со мной в зоне конфликта. Ведь так, господа?

Кисенгер обратился к залу, ища поддержки, и несколько голосов нестройно поддакнули ему. Анна открыла рот, чтобы сказать, что это неправда, что она тоже подавала заявку, но кто-то снизу потянул ее за сумку и прошептал:

– Да уймись ты, все равно ничего не добьешься, только отношения испортишь!

Анна посмотрела вниз и увидела рядом с собой пожилого, но еще достаточно крепкого мужчину. Она хотела отмахнуться, но рука мужчины оказалась сильной и продолжала настойчиво тянуть ее за лямку:

– Уймись, сядь, говорю.

Анне стало неудобно, и она послушно села. Сразу, как только она опустилась на стул, мужчина крикнул со своего места Кисенгеру:

– Гарри, хватит приставать к девочке! Что там насчет официального сообщения? – Все засмеялись, разрядив таким образом обстановку, и Гарри, тут же потеряв к девушке всякий интерес, снова кивнул помощнику.

В зале погас свет, и под потолком загорелся проектор. За спиной Кисенгера появился белый экран, на котором замелькали кадры видеохроники. Советник по вопросам национальностей начал озвучивать кадры слегка монотонным голосом:

– Итак, господа, с огромной радостью спешу вам сообщить, что миротворческая операция «Малая родина», по-видимому, входит в завершающую стадию. Наконец-то большинство переселенцев вняли словам разума и начали повсеместно сдавать оружие в обмен на гарантии безопасности и защиты наших миротворческих сил.

На экране появился старик с суровым изможденным лицом, который поцеловал ствол старой разбитой берданки и отдал ее солдату, сидящему в бронетранспортере. Кадры со стариком сменились кадрами торжественного построения на фоне голубого флага и раздачи гуманитарной помощи. Кисенгер прокомментировал:

– Естественно, поселенцы после приведения к присяге на верность Организации больше не испытывают проблем с едой, водой и теплом.

Далее на экране замелькали теплые встречи родственников, похлопывания по плечу американского и российского солдата на блокпосте, воздушный поцелуй осетинки, бегущей за бронетранспортером. Все фотографии были приторно-сладкими и явно постановочными. Люди в зале откровенно скучали и посматривали на часы. Именно в этот момент на экране появилась огромная фотография мальчика, который протягивал Кисен-геру руку. За спиной у мальчика был отчетливо виден ствол российского танка. Ствол, казалось, нацеливался в каждого, кто сидел в зале. Сам корпус танка был виден уже не так четко. Если не вглядываться, то можно было бы и не понять, что танк на самом деле сгорел и без гусениц. Лицо мальчика было подчеркнуто серьезным. Ракурс фотографии был взят таким образом, что было понятно, у мальчишки в ладони гильзы, но от какого оружия, разглядеть было невозможно. Однако для Кисенгера почему-то это не оказалось проблемой. Он прокашлялся, давая всем возможность как следует рассмотреть фотографию, и сказал:

– Ну что ж, господа, вижу, вы заскучали! – Кисен-гер сделал театральную паузу и с улыбкой выставил на стол два латунных цилиндра. – А тем не менее я припас для вас нечто интересное. Все, кто был со мной сегодня в городе, видели, как я выменял эти патроны у сына повстанца на швейцарский нож. Видели? – он обратился к тем, кто сидел в первом ряду.

– Видели, видели, Гарри! И что там с этими патронами?

– Так вот экспертиза показала, что они от снайперской винтовки Драгунова российского производства. Есть основание полагать, что именно этими патронами вчера вечером его отец стрелял в сторону блокпоста и ранил капрала Патрика Войтовича…

На экране появились последовательно сначала фотография мужчины кавказской внешности в кожаной куртке (фотография явно была старая), а затем улыбающийся портрет капрала (фото с какого-то документа), который сменился картинкой, где капрала уже несут на носилках к карете скорой помощи.

Кисенгер выставил на стол еще несколько патронов:

– Пожалуйста, смотрите. Кроме гильз, я выменял у мальчишки еще и не стреляные патроны. Бронебойный, трассирующий, обычный.

Это было уже интересно. Защелкали затворы, засверкали вспышки фотоаппаратов. Насладившись эффектом, Кисенгер дождался, пока утихнет треск камер, и, смахнув патроны со стола, передал их своему помощнику со словами:

– Уберите подальше. Эти гильзы будут вещдоком.

После этого он снова обратился к залу:

– Так вот, господа, как видите, мы ничего не скрываем от вас!

– Ну и что ты намерен делать, Гарри? – крикнул с галерки мужчина, который усадил в кресло журналистку Анну Сирош.

– Спасибо за вопрос, Пол, – ответил Кисенгер, показывая, что он знает человека, задавшего ему вопрос. – Естественно, начато расследование, все в рамках закона, и мы просим, чтобы все, кто знает о местонахождении этого мужчины… – На экране снова появился портрет осетина. – Помогли следствию и сообщили нам об этом.

– А уже известно, кто этот человек?

– Да, его зовут Ибрагим Султанов. Он работал хранителем в городском краеведческом музее. Пожалуй, он последний из могикан. Один из тех фанатиков, кто не хочет складывать оружие и не согласен на законное, – Кисенгер подчеркнул слово «законное» поднятым вверх пальцем, – доказанное в суде высшей инстанции право этнической группы грузин на владение этими землями и этим городом. – Кисенгер попросил у своего помощника стакан колы, сделал несколько глотков и продолжал: – Естественно, из-за одного человека процесс урегулирования конфликта тормозиться не будет. Мое руководство считает, что поимка этого преступника может вестись параллельно с организацией мирной жизни. У нас отличные сыщики. Никуда он от нас не денется! Кроме того, благотворительная организация «Фонд возвращения грузин в Колхиду» назначает премию за поимку Султанова в размере… одного миллиона американских долларов.

Дождавшись, когда стихнут возбужденные голоса, Кисенгер произнес:

– Я очень надеюсь, господа, что вы приложите все усилия, чтобы эта новость как можно быстрее стала достоянием общественности. Хочу сообщить также, что специальным постановлением ООН с завтрашнего дня открывается южный блокпост для всех желающих вернуться в город. Пусть люди возвращаются, занимают пустующие дома и начинают жить мирной жизнью. Как вам такое решение, парни? – возбужденно выкрикнул Кисенгер, явно понимая, что его заявление станет сегодня событием номер один на всех новостных каналах мира.

Услышав последнюю фразу, Анна Сирош закрыла рукам рот, чтобы громко не закричать, а затем прошептала:

– О боже! Что они творят?

Она посмотрела на своего соседа в поисках поддержки.

– Через южный блокпост в город могут войти только грузины. Это их сторона. А как же осетины и те, кто остался в городе? Их же всех уничтожат! Они устроят всем кровавую бойню!

– Хм, не знаю, как для всех, но тому парню не повезло, это точно, – проворчал ее сосед. – Ежу ведь понятно, что завтра все, кто войдет в город, будут заняты его поисками. Не сомневаюсь, что на него будет устроена настоящая облава, а наши коллеги-журналисты превратят это дело в красочное ток-шоу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.